

ВЕСТНИК

ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия «Гуманитарные науки»

Вып. 4, 2009

История

Научный журнал

Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-16954 от 5 декабря 2003 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

В. Н. Егоров, д-р экон. наук
(председатель)

Д. И. Польшинский, д-р ист. наук
(зам. председателя)

В. И. Назаров, д-р психол. наук
(зам. председателя)

Л. В. Михеева (ответственный секретарь)

К. М. Авербух, д-р филол. наук (Москва)

Ю. М. Воронов, д-р полит. наук

Н. В. Усольцева, д-р хим. наук

К. Префке, профессор (Германия)

Ю. М. Резник, д-р филос. наук (Москва)

О. А. Хасбулатова, д-р ист. наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. А. Корников, д-р ист. наук

Д. И. Польшинский, д-р ист. наук

К. Е. Балдин, д-р ист. наук

Над выпуском работали:

директор издательства *Л. В. Михеева*

редактор *О. В. Батова*

технический редактор *И. С. Сибирева*

компьютерная верстка *Г. Б. Клецукина*

обложка *Р. Е. Круглов*

ISBN 978-5-7807-0791-2

© ГОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

Евсеев В. А., Назарова А. А. Восточная (Балтийская) компания в XVII веке 3

Садовская В. Ю. Роль М. С. Горбачева в подготовке объединения Германии 9

Язева Е. В. Национальная идея современного Казахстана: проблемы, поиски, решения 16

Отечественная история

Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Радиоуглеродная хронология нео-энеолитических погребений на стоянке Сахтыш ПА 28

Степанов А. В. Уездные города Верхнего Поволжья на рубеже XIX—XX веков 37

Ильин Ю. А. Общественное управление и предприниматели на рубеже XIX—XX вв.: к вопросу об электрификации г. Иваново-Вознесенска 49

Аннотации 67

Summaries 69

Сведения об авторах 71

Информация для авторов «Вестника Ивановского государственного университета» 72

IVANOVO STATE UNIVERSITY BULLETIN

Series "The Humanities"

Issue 4, 2009

History

Scientific journal

Issued since 2000

The journal is registered in the Russian Federation Ministry
of Press, Television and Radio Broadcasting and Mass Communications
Registration certificate PI № 77-16954 of December 5, 2003

EDITORIAL COUNCIL:

V. N Egorov, Doctor of Economics (Chairman)

D. I. Polyviannyi, Doctor of History
(Vice-Chairman)

V. I. Nazarov, Doctor of Psychology
(Vice-Chairman)

L. V. Micheeva (Secretary-in-Chief)

K. M. Averbuch, Doctor of Philology
(Moscow)

Yu. M. Voronov, Doctor of Politics

N. V. Usoltseva, Doctor of Chemistry

K. Prefcke, Professor (Germany)

Yu. M. Reznik, Doctor of Philosophy (Moscow)

O. A. Khasbulatova, Doctor of History

EDITORIAL BOARD:

A. A. Kornikov, Doctor of History

D. I. Polyvyannyj, Doctor of History

K. E. Baldin, Doctor of History

Editorial Staff:

Publishing House Director *L. V. Mikheeva*

Editors *O. V. Batova*

Technical Editor *I. S. Sibireva*

Computer layout *G. B. Klyotskina*

Cover *R. E. Kruglov*

ISBN 978-5-7807-0791-2

© SEI of HPE "Ivanovo State University",
2009

CONTENTS

General history

Evseev V. A., Nazarova A. A. The Eastland
company in the XVII century 3

Sadovskaya V. Yu. Gorbachev's role in the Un-
ification of Germany 9

Yazeva E. V. National idea of modern Ka-
zakhstan: problems, searches, decisions 16

Russian history

Kostyleva E. L., Utkin A. V. The C-14 Chrono-
logy of Neolithic and Aeneolithic Burials on the
Sakhtysh IIA site 28

Stepanov A. V. *Uezd* capital towns in the Upper
Volga area at the turn of the 20th century 37

Ilyin Yu. A. Public administration and entrepre-
neurs at the turn of the XIX—XX centuries:
to the question of electrification of Ivanovo-
Voznesensk 49

Summaries 67

Information about the authors 71

*Information for the authors of "Ivanovo State
University Bulletin"* 72

ВОСТОЧНАЯ (БАЛТИЙСКАЯ) КОМПАНИЯ В XVII ВЕКЕ

Английская внешняя торговля начала широкую экспансию по различным направлениям со второй половины XVI века. Для истории Англии это время явилось переломной эпохой, когда торговля с заграницей все больше и больше стала переходить в руки собственно английского купечества. В Англии появляются новые формы внешней торговли — монопольные торговые компании, в частности Левантийская, Ост-Индская, Московская, Восточная и др. Английское государство давало таким компаниям значительные преимущества, привилегии на ведение монопольной внешней торговли в какой-либо области. Именно в руках монопольных торговых компаний сосредоточивались наиболее крупные капиталы, именно они были значительнейшим фактором первоначального накопления, именно они, благодаря своим связям с промышленностью, более чем кто-либо содействовали развитию капиталистического производства, проникновению капиталистических методов в систему внешней торговли. Таким образом, эти компании сыграли большую роль в ходе прогрессивного развития экономики страны и, несомненно, способствовали формированию национального рынка и созданию экономической общности Англии [10, с. 139—141].

Организационные формы английской внешней торговли эпохи Тюдоров были затронуты в работах В. В. Штокмар [10, 11]. Деятельность наиболее известной компании купцов-авантюристов рассматривалась в работах В. А. Евсеева, Е. В. Кузнецова, С. П. Марковой [2, 4, 5, 6, 7].

Восточная (Балтийская) компания была организована купцами городов восточного побережья Англии в 1579 году. В сферу ее интересов входили Норвегия, Швеция, Польша, Лифляндия и Восточная Померания. В отечественной историографии вопросы, связанные с причиной возникновения Восточной компании и ее организационной структурой, рассматривались в статьях Г. И. Цыпуриной [8, 9]. Однако данные исследования касались только начальных этапов становления компании, то есть конца XVI века. Дальнейшая же ее история в XVII веке остается пока вне поля зрения отечественных исследователей.

В англоязычной историографии вопросы, связанные с развитием английской внешней торговли на Балтике в эпоху Тюдоров, были рассмотрены в целом ряде фундаментальных исследований [14, 15, 16, 17, 18, 22]. Более подробно историографические и библиографические аспекты этой проблемы отражены в работе Дж. Болтона [1].

В данной статье мы обратимся к развитию Восточной компании в XVII столетии, ибо ее история в XVI веке изучена обстоятельно. Английское

купечество и правительство не случайно прилагали большие усилия для развития балтийской торговли. Ввозившиеся с Балтики товары были чрезвычайно важны для Англии, так как способствовали развитию и оснащению ее флота, обеспечению обороны и социальной стабильности. Прежде всего это относится к таким товарам, как лес для строительства кораблей, мачты, лен, пенька, смола, деготь, весла, канаты, веревки, парусина, а также порох, селитра, сера, сталь, медь, железо. Англия крайне нуждалась во ввозе ржи и пшеницы с Балтики, поскольку собственного зерна не хватало, особенно в неурожайные годы.

Восточная компания экспортировала ткань в Северо-Восточную Европу. Балтика с ее умеренным климатом была хорошим потребителем английского сукна, большую часть которого составляли грубые сорта неярких расцветок. Во второй половине XVI века крупнейшая английская компания купцов-авантюристов испытывала трудности с продажей сукна в традиционных торговых центрах Западной Европы, поэтому торговля с Балтикой приобретала большое значение.

В акте Восточной компании «Об уплате пошлин» от 1620 года представлен список всех экспортируемых Товариществом товаров и возлагаемые на них пошлины (табл. 1).

Таблица 1

Товары, экспортируемые Восточной компанией [12, р. 20—21]

Наименование экспортируемого товара	Взимаемая пошлина, ф. ст.
Широкая ткань в кусках	8
Неширокая ткань в кусках	6
Грубая шерстяная ткань, 7 кусков за 2 куска широкой ткани	3
Прочая ткань в кусках	3
Кожа для обуви	8
Девонская дюжина, 1 штука за 4 куска широкой ткани	8
Лисьи шкуры в дюжинах	1
Кожа ягненка в тысячах	8
Ткань из гребенной шерсти в кусках	2
Ткань хлопка в кусках	1
Серая кроличья шкурка	8
Серая кроличья шкурка (выделанная или дубленая) начиная от тысячи штук	4
Черная кроличья шкурка до тысячи штук	3
Рангоутное дерево от 5 до 6 футов в длину за дюжину	Обол
Рангоутное дерево около 6 футов в длину за дюжину	1
Большие мачты свыше 15 метров	4
Небольшие мачты от 10 до 15 метров	1
Норвежские товары 15 фунтов	4

Все упомянутые выше товары, как английские, так и норвежские, оплачивались после оценки тканей. Это свидетельствует о том, что ткань являлась главной статьей экспорта в торговле на Балтийском побережье [12, р. 21].

Однако немалую роль играл и экспорт кожи и меха, особенно при упадке торговли сукном в середине XVII века. В 1620 году купцы Товарищества жаловались, что ранее прибыль от продажи ткани в Восточной Европе составляла примерно 200 000 фунтов стерлингов, а теперь она упала до 70 000 [22, р. LI].

Роджер Коук дает более точную информацию: до 1640 года Компания экспортировала 20 000 кусков широкой ткани, 60 000 кусков грубой шерстяной ткани и 40 000 кусков двойной ткани ежегодно. Впоследствии Товарищество экспортировало уже 4000 кусков широкой ткани, 5000 — грубой шерстяной и 2000 кусков двойной ткани [13, р. 21].

В начале правления Якова I вывоз кож Восточной компанией стал важнейшей частью экспорта. Она играла в этом деле даже большую роль, чем Кожевенная компания [22, р. LIV].

В первые годы существования Восточной компании основными статьями импорта было зерно, лен и пенька. В 1622 году Яков I обратил внимание купцов на то, что Компания не обеспечивает нужды страны. Товарищество аргументировало это тем, что англичане потеряли преимущество в торговле на Балтике, так как немецкие купцы могут продавать там свои товары дешевле, потому что они торгуют напрямую, без посредников [19, р. 149—159]. В 1623 году импорт Восточной компании составлял примерно 120 000 фунтов стерлингов, при этом на 30 000 фунтов стерлингов Товарищество импортировало поташ, то есть четверть всего импорта [19, р. 174—179].

Позднее главным объектом торговли стал лес. Однако селитра, парусина, клееные холсты, тик, крученая пряжа, лен из Эльбига и Силезии, прусская пряжа, фитили, канаты, шерсть, такелаж, деготь, смола, корабельная обшивка, весла, мех, осетрина, воск, железо, сталь, медь также оставались важными статьями импорта [22, р. LIV—LV]. Об этом говорят документы правления Компании. В начале 20-х годов XVII века правление установило новые пошлины на импортные товары (табл. 2) [12, р. 65].

Таким образом, балтийская торговля была чрезвычайно важна для английской экономики, так как вывозившиеся с Балтики товары (лес, рангоутное дерево, лен, пенька, смола, деготь, весла, канаты, веревки, парусина) способствовали развитию и оснащению флота, обеспечению обороны и стабильности. В первые годы существования Товарищества основными статьями импорта было зерно, лен и пенька, а в XVII веке — поташ и лес. В свою очередь, в страны Балтии Англия вывозила в основном ткани, кожи, меха, поташ и рангоутное дерево. Первоначально основной статьёй экспорта была ткань. Однако в начале XVII века продажа тканей становится не такой прибыльной. Поэтому, помимо ткани, важную роль приобретает экспорт лисьих шкур, кожи ягнят, серых и черных кроличьих шкурок, а также свинца, жести, шафрана и угля.

Следует отметить, что купцы Восточной компании никогда не пользовались такой популярностью, как купцы-авантюристы. В этой компании плата за вступление не была столь велика, как в компании купцов-авантюристов. Вступительный взнос сначала составлял 50 фунтов, а затем сократился до 25 фунтов стерлингов [22, р. LV]. Изготовители льняной ткани жаловались в Лондонский суд старейшин на то, что они лишились работы, так как члены Восточной компании не ввозят лен на внутренние рынки и в то же время не дают никому его импортировать [22, р. LVI].

Таблица 2

Товары, импортируемые Восточной компанией

Наименование импортируемого товара	Взимаемая пошлина, ф. ст.
Лен	2
Поташ в деревянном сосуде	12
Коленкор, двойной кусок	Обол
Льняная ткань из Данцига или Эльбига	6
Прусская пряжа	3
Фитили для свеч	3
Канаты и такелаж	1
Колотый лесоматериал для клепки, 120 штук	2
Бочарные клепки, 120 штук	1
Мех	3
Медь	5
Пенька	18
Плотная парусина в кусках	Обол
Крученая пряжа	2
Лен из Силезии	6
Тик, 100 ярдов (91,44 м)	4
Шерсть, согласно весу	6
Деготь и смола	9
Еловые или сосновые доски, 120 штук	18
Весла, 120 штук	8
Воск	4
Сталь	2
Норвежские товары	9
Железо за тонну	10

Позднее для Восточной компании наступили более трудные времена. Торговля поташом, составлявшим одну из важнейших статей импорта купцов Восточной компании, была полностью дезорганизована из-за появления Лондонской компании мыловаров [3, с. 306—307]. В соответствии с новой системой производства поташ не требовался, что вызвало страх разорения у торговцев этим товаром. Чтобы убедить их в превосходстве нового мыла, Лондонский совет постановил, что прачки должны опробовать новый товар в присутствии купцов Восточной компании, которые были напрямую заинтересованы в сохранении старых методов производства [20, р. 230—239].

Против Товарищества было вынесено еще одно обвинение. Кожевенники жаловались, что они не могут нанять людей, выделяющих кожу без дубления, так как купцы Восточной компании не вывозят из страны одежду из кожи [21, р. 534—535]. Восточная компания признала обоснованность обвинений кожевенников, однако оправдывала себя тем, что торговлю со странами Балтии расстроила война [21, р. 525—528]. Купцы Восточной компании обещали экспортировать определенную часть одежды из кожи, когда будет установлен мир.

Члены Восточной компании не отрицали упадка торговли, но, для того чтобы показать свою непричастность к этому, они предлагали свою версию кризисных явлений. Главной причиной данного упадка они считали стремительный рост производства за рубежом. Сопоставление списка экспорта в 1616 и 1630 годах свидетельствует о том, что в их утверждении содержится доля правды. Если в двадцатые годы в страны Балтии экспортировалась в основном готовая продукция (например, ткань, выделанные шкуры), то в тридцатые годы — сырье, необходимое для производства в этих странах (например, шерсть, мех) [12, р. 21, 65]. Страны Балтии, используя сырье и товары, привозимые из Англии, развивали свое производство, обучаясь этому у голландцев [13, р. 33].

Купцы-авантюристы и купцы Восточной компании, рассматривая неудовлетворительное состояние торговли, указали причину быстрого развития иностранного производства сукна. Английская ткань, говорили они, не может быть продана с большой наценкой за границей, так как широкая ткань и грубая шерстяная ткань производится в больших количествах не только в Лейдене и других городах Голландии, но и в Германии, в Бранденбурге и в Силезии, а также в Польше и Пруссии. Такая ткань стоила намного дешевле любой, привезенной из Англии, хотя качество ее оставляло желать лучшего. Ранее польские аристократы одевали своих слуг в одежду, пошитую из английской ткани, но так как к концу войны многие из этих аристократов обнищали и были уже не в состоянии отдавать большие деньги за дорогую английскую ткань, их слуги стали носить одежду из ткани, произведенной в Силезии или в их родной стране [23, р. XIV].

Упадку Восточной компании способствовала и сложная политическая обстановка в Англии в XVII веке, характеризующаяся сменой политических режимов и кровопролитной гражданской войной. Английская буржуазная революция имела негативные последствия для внешней торговли, особенно для Восточной компании и компании купцов-авантюристов. В 1652 году 22 корабля Восточной компании, которые укрылись в гавани Копенгагена от голландцев, были захвачены по приказу датского короля Фредерика III. Купцы Лондона, Ипсвича и Гулля оценили свои убытки от данных действий в 146 239 фунтов стерлингов [22, р. XLVII].

В первые месяцы после прихода к власти Кромвель лишил крупные торговые компании их привилегий, но вскоре понял свою ошибку. Позднее он увеличил полномочия Ост-Индской компании и восстановил компанию купцов-авантюристов в ее прежнем статусе [3, с. 189]. Он также оказал поддержку Восточной компании, косвенно уменьшив мощь Голландии, которая была одним из сильнейших соперников Англии во внешней торговле в Прибалтике [там же].

Несмотря на изменение политики регента, Восточная компания безуспешно пыталась получить поддержку со стороны Государственного совета.

Комитет по торговле и судоходству пошел настолько далеко, что в 1656 году предложил вернуть хартию к ее первоначальной форме 1579 года, исключив все вносившиеся изменения, и создать клятвы, которые должны были приниматься различными должностными лицами Восточной компании, но это не принесло никаких результатов [там же].

С 1656 по 1660 год в книге правления Восточной компании не появилось ни одной новой записи, хотя за эти годы происходили беспрецедентные случаи. Например, два члена Товарищества в Йорке отказались платить всту-

пительный взнос и торжественно приносить клятву, сказав: «Компании нет, когда она появится, мы произнесем клятву, но не раньше» [там же].

Очень сложно назвать точную дату прекращения существования Восточной компании. По всей видимости, к концу XVII века деятельность компании фактически закончилась, ибо она не могла заплатить необходимые налоги в казначейство [22, р. LX].

XVII век стал переломным в истории Восточной компании. На смену периоду процветания, охватившему конец XVI — начало XVII века, пришел период упадка. Его основными причинами были изменения политического режима в результате Английской буржуазной революции (1642—1651), а также тридцатилетняя война (1618—1648) в Европе. Кроме того, у Восточной компании появились экономические конкуренты как в странах Балтии, так и в самой Англии. Внимание с балтийской торговли постепенно стало переключаться на трансатлантическую торговлю, приносящую большую прибыль.

Библиографический список

1. Болтон Дж. Англо-балтийская торговля в XVI в. // Проблемы британской истории. М., 1984.
2. Евсеев В. А. Компания купцов-авантюристов Ньюкасла-на-Тайне в XVI — начале XVII в. // Англия XV—XVII вв. : проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980.
3. Кеннингем У. Рост английской промышленности и торговли. М., 1909.
4. Кузнецов Е. В. Купцы-авантюристы Лондона // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1981.
5. Маркова С. П. К вопросу о происхождении и составе Йоркской компании мерсеров и купцов-авантюристов // Вопросы всеобщей истории. Красноярск, 1973. Вып. 4.
6. Маркова С. П. Йоркская компания купцов-авантюристов и купцы-авантюристы Лондона в XV—XVI вв. // Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980.
7. Маркова С. П. Йоркская компания мерсеров и купцов-авантюристов в XV—XVI вв. // Средние века. 1981. Вып. 44.
8. Цыпурина Г. И. Структура и права английской Балтийской компании по хартии 1579 г. // Развитие античного и средневекового города. М., 1987.
9. Цыпурина Г. И. Борьба Англии за балтийский рынок во второй половине XVI века : (к вопросу о причинах создания Балтийской компании) // Англия в эпоху феодализма. М., 1988.
10. Штокмар В. В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л., 1962.
11. Штокмар В. В. История Англии в Средние века. СПб., 2001.
12. The Acts and Ordinances of the Eastland Company. London, 1906.
13. Coke R. England's improvement. London, 1670.
14. Deadorf N. K. English trade in the Baltic during of Elizabeth // Studies in the history of English commerce in the Tudor period. New York, 1972.
15. Hinton R. W. K. The Eastland Company and the common weal in the Seventeenth century. Cambridge, 1959.
16. Lingelbach W. E. The Internal Organization of the Merchant Adventurers of England // Transaction of the Royal Historical Society. Vol. 16. 1902.
17. Lipson E. The Economic history of England. London, 1931.
18. Ramsay G. D. English overseas Trade during the centuries of emergence // Studies in some modern origins of the English-speaking world. London, 1906.

19. State Papers (Dom. ser.), James I, June 26, 1620 / ed. by M. A. Everett Green. London, 1858. Vol. 15.
20. State Papers (Dom. ser.), James I, May 4, 1624 / ed. by M. A. Everett Green. London, 1859. Vol. 16.
21. State Papers (Dom. ser.), Charles I, July 22, 1636 / ed. by W. D. Hamilton, S. C. Lomas. London, 1897. Vol. 53.
22. *Sellers M.* Introduction // The Acts and Ordinances of the Eastland Company. London, 1906.
23. *Tench N.* A defence of the Bank of England. London, 1719.

ББК 63.3(2)64-6

В. Ю. Садовская

РОЛЬ М. С. ГОРБАЧЕВА В ПОДГОТОВКЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Объединение Германии — крупнейшее событие конца XX века. Немалую роль в решении германского вопроса сыграл Генеральный секретарь ЦК КПСС и первый президент СССР М. С. Горбачев.

С приходом М. С. Горбачева на пост главы партии и государства в СССР стала осуществляться попытка проведения реформ, нацеленных на внутривластную демократизацию, либерализацию внешней политики и разоружение. Однако КПСС оказалась неспособна провести демократическое обновление советского общества и решить важные экономические проблемы. Это не могло не сказаться на отношениях СССР со странами социалистического лагеря. Советский Союз был не в состоянии оказывать помощь своим союзникам в прежнем объеме, что привело к обострению внутренних проблем в странах Восточной Европы и к изменениям в их внешней политике. Они старались найти поддержку на Западе. Исключением в этом плане не стала ГДР.

В середине 80-х гг. в Германской Демократической Республике сложилась тяжелая экономическая ситуация. Экономика страны находилась в предкризисном состоянии: быстро старело промышленное оборудование, падал уровень жизни населения. ГДР жила не по средствам: к 1989 г. задолженность Западу достигла 21,6 млрд долларов [4, с. 360]. М. С. Горбачев комментировал эту ситуацию следующим образом: «Технику и технологию на современном уровне мы им не могли давать, и они залезли в долги к Западу» [2, с. 29]. Руководство ГДР отрицательно относилось к реформам, проводимым в СССР. В частности, глава государства Э. Хонеккер был уверен в том, что социализм невозможно реформировать и поэтому не следует затевать никаких реформ. По данному поводу М. С. Горбачев высказался на заседании Политбюро ЦК КПСС 29 января 1987 г.: «У нас разногласия с ними в сфере надстройки. Наше самоуправление Хонеккер отождествляет с югославским: насколько же плохо мы знаем друг друга. Пьесу Шатрова о Ленине

© Садовская В. Ю., 2009

оценивает как отход от традиций Октября. Недоволен, как мы поступили с Сахаровым» [там же]. Подобные разногласия затрудняли диалог между ГДР и СССР, порождали недоверие политиков друг к другу. Однако М. С. Горбачев призывал своих сторонников не драматизировать ситуацию, спокойно реагировать на претензии Хонеккера и работать с ним в «дружеском ключе» [2, с. 31].

В феврале 1987 г. министр иностранных дел СССР Э. Шеварднадзе совершил официальный визит в ГДР. По результатам этого визита состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС, на котором Шеварднадзе констатировал: «Идея единой германской нации жива в психологии и мышлении даже коммунистов. Заигрывают с западными немцами. Не критикуют ФРГ. И дело тут не только в экономической заинтересованности» [2, с. 32]. Действительно, с середины 80-х гг. отношения между ГДР и ФРГ улучшились. Об этом свидетельствовало наращивание торгово-экономических связей. 27 % внешнеторгового оборота ГДР с капиталистическими странами приходилось на ФРГ и Западный Берлин. ФРГ стала вторым по значению, после СССР, торговым партнером ГДР. Боннское правительство очень хорошо понимало, что ГДР заинтересована в экономическом сотрудничестве с западным соседом гораздо больше, чем ФРГ в экономических связях с ГДР. Оно использовало экономические отношения с Восточной Германией как средство вмешательства в дела республики, стараясь подорвать всевластие СЕПГ и подготовить почву для будущего воссоединения. Н. В. Павлов пишет: «Официальные лица постоянно подчеркивали особый характер торгово-экономических отношений с ГДР как отношений между двумя частями одной страны» [3, с. 352—353]. С 1984 г. отмечался рост числа поездок граждан ГДР по приглашению в ФРГ. Наряду с волной гостевых поездок развилась волна эмиграции в ФРГ. За период с 1984 по 1989 г. из ГДР в ФРГ выехало 350 893 человека [1, с. 393].

В это же время в СССР пришли к решению о необходимости изменения отношений с ФРГ. Данное обстоятельство было связано с тем, что в правящей элите Западной Германии сформировалось представление о том, что нужен «европейский мирный порядок», исключающий всякую конфронтацию в отношениях европейских государств и предусматривающий добрососедские отношения с СССР. В Советском Союзе также стремились к активизации политических и экономических связей с ФРГ. Боннское правительство хотело использовать налаживание отношений с западными партнерами и с СССР для решения проблемы воссоединения Германии. Преодоление «раскола Германии» связывалось с преодолением «раскола Европы», со строительством «общеевропейского дома» и укреплением отношений с советским руководством. Поэтому все более частыми становились встречи политиков ФРГ и СССР. 16 июля 1987 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС по результатам визита президента ФРГ Вайцзеккера в Москву. На этом заседании М. С. Горбачев заявил: «ФРГ — реальность и не только в европейском масштабе. Перестройка отношений с ФРГ многое могла бы изменить в Европе. Немцы еще не нашли своего места» [2, с. 57]. Однако встречи советской политической элиты с лидерами ФРГ и ГДР 1987—1988 гг. еще не свидетельствовали о стремлении СССР активизировать усилия по решению германского вопроса. Советских руководителей интересовало прежде всего развитие экономических и политических связей с ФРГ и ГДР. Кроме того,

М. С. Горбачев надеялся на финансовую поддержку со стороны ФРГ. Он хотел получить в Европе надежного и сильного партнера. Отношения с ГДР в конце 80-х гг. усложнились. С каждым годом перестройки в СССР Э. Хонеккер относился к ней все более настороженно и принимал, как ему казалось, необходимые меры для того, чтобы поставить заслон проникновению в ГДР вредных идей. В 1987 г. в Восточной Германии запретили распространение советского журнала «Спутник», также были запрещены советские кинофильмы, поднимающие острые проблемы современности. В 1988 г. прекратили приглашать советских специалистов для чтения лекций восточногерманским учащимся, а студенты ГДР перестали направляться на учебу в советские вузы. 12 июня 1989 г. в Бонне состоялась беседа М. С. Горбачева с канцлером ФРГ Г. Колем, в ходе которой обсуждалась и эта проблема. Г. Коль выразил недоумение по поводу того, что руководство ГДР занимает «застывшие позиции». Он указал и на свои трудности в деле улучшения отношений с ГДР, намекал на необходимость решения германской проблемы. Однако М. С. Горбачев высказывался по этому поводу очень осторожно: «...мы... за сохранение самобытности и традиций социалистических государств» [2, с. 162]. Это свидетельствовало о том, что у советского руководства не было четкой позиции по проблеме объединения двух немецких государств (хотя в советском Министерстве иностранных дел с 1987 г. обсуждался вопрос, надолго ли сохранится раскол Германии). В то же время М. С. Горбачев не мог не знать о том, что при канцлере ФРГ создана «рабочая группа 22». В нее входили министр по внутригерманским отношениям, руководитель постоянного представительства ФРГ в ГДР, статс-секретарь МИД ФРГ, высшие чины спецслужб и полиции. «Германская политика» ФРГ имела четкую политико-правовую базу и механизмы ее реализации. В рамках этой политики боннское правительство продолжало оказывать ГДР экономическую помощь, и это не могло не сказаться на позиции восточногерманского руководства.

9 ноября 1989 г. было объявлено о постановлении Совета министров ГДР разрешить всем гражданам страны выезжать в ФРГ или Западный Берлин без специального оформления. На деле это означало открытие границы между ГДР, ФРГ и Западным Берлином. 13 ноября 1989 г. Председателем Совета министров ГДР был избран Ханс Модров, который через четыре дня сформировал новое коалиционное правительство. 28 ноября 1989 г. федеральный канцлер ФРГ выступил в бундестаге с программой развития германо-германских отношений «10 пунктов Г. Коля». Это был план поэтапного сращивания двух государств. Ставилась задача через слияние экономических структур добиться политического союза и через конфедерацию обеспечить федеративное государственное устройство единой Германии. Для реализации этой программы требовалось согласие четырех держав-победительниц. Однако отношение крупных стран Европы и Советского Союза к «плану Г. Коля» было отрицательным. 29 ноября 1989 г. в Риме состоялась беседа М. С. Горбачева с Председателем Совета министров Италии Дж. Андреотти, в ходе которой обсуждался и германский вопрос. Отношение главы советского государства к возможности решения этого вопроса в ближайшее время было негативным: «...две Германии — это реальность, и именно так мы смотрим на них... Если мы начнем пересматривать итоги войны, то сразу

встанет вопрос: как быть с границами? Я прямо сказал: воссоединение ФРГ и ГДР не актуальный вопрос» [2, с. 264]. Большое влияние на мнение советского руководителя оказала позиция европейских политиков. М. Тэтчер, Ф. Миттеран

с сомнением отнеслись к необходимости форсирования решения германской проблемы. В ходе встречи Горбачева и Миттерана в Киеве (6 декабря 1989 г.) последний высказался следующим образом: «...в Европе никто не хочет, чтобы на континенте произошли глубокие пертурбации в результате объединения Германии, которое неизвестно что принесет... Я не боюсь воссоединения Германии. Но надо, чтобы оно проходило демократически и мирно... Все считают, что германская проблема развивается слишком стремительно» [2, с. 287]. Однако настроения восточных немцев не совпадали с мнением европейских политиков по поводу преждевременной постановки вопроса об объединении Германии в кратчайшие сроки. Национальная идея в их сознании оттесняла на задний план всё остальное. 8 января 1990 г. в г. Лейпциге состоялась демонстрация под лозунгом «Германия — единая отчизна». Такие же выступления прошли в Галле, Шверине, Котбусе и других городах Восточной Германии. Эти настроения целенаправленно поддерживались властями ФРГ. Советское руководство получало информацию о широком народном движении в ГДР за скорейшее воссоединение двух немецких государств и не могло на это не реагировать. 26 января 1990 г. на совещании в кабинете Генерального секретаря ЦК КПСС проходило обсуждение германского вопроса. Это совещание продемонстрировало изменение позиции М. С. Горбачева по поводу объединения Германии. Теперь он признавал неотвратимость процесса объединения, но в то же время предлагал всемерно затягивать его: «Самое главное сейчас растянуть процесс, какова бы ни была конечная цель (воссоединение). Надо, чтобы к этой цели привыкли и немцы, и Европа, и СССР» [2, с. 310]. О постепенном решении германской проблемы говорил и глава правительства ГДР Х. Модров. Его план предусматривал образование конфедерации ГДР и ФРГ с единой экономической, валютной, правовой и транспортной системой, с общими парламентскими институтами и органами исполнительной власти. На переходный период в сфере межгерманских отношений предполагалось невмешательство во внутренние дела друг друга. Такое развитие событий не устраивало Г. Коля, который хотел форсировать объединение двух немецких государств, так как, по его мнению, для этого сложилась благоприятная ситуация. Причем в его плане речь шла не о конфедерации, а о поглощении ГДР Федеративной Республикой.

На дальнейшее развитие событий повлияли выборы в Народную палату ГДР, состоявшиеся 18 марта 1990 г. Внушительную победу на них одержали консервативные партии, которые рассматривали объединение Германии как единственный выход из политического и экономического кризиса, в котором оказалась ГДР. Становилась реальной возможность объединения Германии в самое ближайшее время. Москва была обеспокоена не столько этим обстоятельством, сколько тем, как будет выглядеть военный компонент объединения. В частности, Правительство волновали вопросы о советских войсках, находящихся на территории ГДР, о границах и о вхождении единой Германии в НАТО. На встрече с Г. Кодем 10 февраля 1990 г. М. С. Горбачев сформулировал положение, касающееся военного аспекта объединения: «...с не-

мецкой земли не должна исходить угроза войны, послевоенные границы должны быть нерушимыми... территория Германии не должна использоваться внешними силами» [2, с. 351]. Это означало, что на территории объединенной Германии не должны были размещаться силы НАТО. В то же время на этой встрече стало ясно, что Советский Союз не будет препятствовать объединительному процессу. Единственное отличие позиций ФРГ и СССР состояло в определении темпов объединения двух немецких государств. Руководство ГДР и советские политики по-прежнему стремились к постепенному движению к конфедерации, а правительство Коля — Геншера явно демонстрировало неприятие такой модели. Важную часть плана, который предложили члены западногерманского правительства, составляли международные переговоры, в рамках которых Г. Коль мог получить согласие западных партнеров и Москвы на завершение объединения и договориться о внешних его аспектах.

Международные переговоры начались в мае 1990 г. в Оттаве по формуле «2 + 4». 3 мая 1990 г. состоялось заседание Политбюро ЦК КПСС по германскому вопросу. На следующий день к президенту с докладной запиской обратился его помощник по международным вопросам А. С. Черняев. Он сформулировал положение, правильность которого М. С. Горбачев признал только спустя определенное время: «Совершенно очевидно, что Германия окажется в НАТО. И никаких реальных рычагов воспрепятствовать этому у нас нет» [2, с. 424]. Черняев указал также на то, что Советский Союз нуждается, как никогда, в поддержке перестройки со стороны Запада и поэтому странно выглядит железная непримиримость СССР по поводу «оставления» Германии в НАТО. Для решения военного аспекта объединения Германии Горбачеву и Колю потребовалось время. 15 июля 1990 г. в Москве состоялась их встреча, на которой стороны сумели добиться определенного согласия. Было достигнуто соглашение, суть которого сводилась к следующему: «Объединенная Германия является членом НАТО. Де-факто бывшая территория ГДР до тех пор, пока там находятся советские войска, в сферу действия НАТО входить не будет... По истечении переходного периода можно будет начать переговоры о выводе советских войск» [2, с. 502]. Однако советская идея установления переходного периода не получила поддержки со стороны США и Англии. Этим воспользовалось правительство ФРГ. Получалось, что с отклонением идеи переходного периода теряли смысл все расчеты СССР. Оставалась только одна возможность — договариваться с общегерманским правительством на двусторонней основе по отдельным вопросам, прежде всего о пребывании советских войск на территории Восточной Германии. В ходе оттавских переговоров Горбачеву не удалось настоять на том, чтобы как можно дольше сохранить права и ответственность четырех держав в отношении всей Германии и Берлина. Г. Коль был категорически не согласен с сохранением Германией ограниченного суверенитета. Советская сторона пошла навстречу ФРГ после того, как Г. Коль гарантировал финансирование вывода советских войск, обещал оказать содействие в смягчении жилищной проблемы и в решении проблемы переподготовки советских военнослужащих. В вопросе о границах четыре державы-победительницы выступили с единой позицией. Объединенная Германия должна была включать нынешнюю территорию ФРГ, ГДР и Берлина. Она отказывалась от

всяких территориальных претензий к другим государствам и обязывалась не выдвигать их в будущем.

12 сентября 1990 г. в Москве министры иностранных дел шести государств — участников переговоров по формуле «2 + 4» подписали Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. 13 сентября в Москве министры иностранных дел ФРГ и СССР парафировали Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между СССР и Германией, подписать который планировалось 3 октября 1990 г. — в день окончательного объединения Германии. В этом договоре, в частности, говорилось о том, что ФРГ и СССР «взаимно уважают суверенное равенство, территориальную целостность и политическую независимость друг друга» [5, с. 349]. Здесь также подтверждалось право всех народов осуществлять по собственному желанию свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие. Это исключало в будущем любое вмешательство СССР во внутренние дела Восточной Германии, которая становилась частью единой страны. В это время в Бонне министр финансов ФРГ Т. Вайгель объявил, что немецкая сторона обязуется до конца 1994 г. выделить СССР 12 млрд марок. Из них 3 млрд марок — на содержание советских войск на территории Восточной Германии на период 1991—1994 гг. Кроме того, СССР был обещан кредит на сумму 3 млрд марок сроком на 5 лет [3, с. 403]. В целом на собственное объединение немцы потратили незначительные суммы (15 млрд марок), что для них было очень выгодно. Советский Союз за свое согласие на объединение Германии по плану Г. Коля мог бы получить гораздо большую помощь и большие кредиты, так как немцы готовы были платить за свое единство в полном объеме. Однако советское руководство не сумело воспользоваться ситуацией. Это стало результатом непродуманности финансовой стороны переговоров с ФРГ и нерешительности М. С. Горбачева, за что он несет полную ответственность.

Заслуга Г. Коля в том, что он сумел обеспечить объединение Германии мирным путем и в кратчайшие сроки с согласия всех соседей. Это свидетельствует о правильной оценке им ситуации и выборе наиболее благоприятного момента для завершения воссоединения двух немецких государств. Коля вовремя понял, что при Горбачеве в Правительстве СССР появилась готовность к тому, чтобы коренным образом изменить свою политику в германском вопросе. В пользу ФРГ сыграло то обстоятельство, что между СССР и руководством ГДР стали возникать разногласия. Делу объединения помогли и изменения в Восточной Германии, и в частности смена руководства, рост числа недовольных всевластием СЕПГ и усиление движения под лозунгом «Германия — единая отчизна». По этому поводу Горбачев высказался на церемонии подписания Договора о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве между ФРГ и СССР: «Движение было ускорено бурным процессом внутренних преобразований в Восточной Германии, разрушивших стену раскола немецкой нации. Между реализацией воли немцев к объединению и переходом на новый уровень советско-германских отношений не должно было быть периода неясности и неопределенности» [2, с. 618]. Последняя фраза свидетельствует о правильном расчете Г. Коля: М. С. Горбачев стремился получить в лице единой Германии надежного западного партнера.

В решении германского вопроса большое значение имела позиция стран Запада: Англии, Франции и США. В ходе переговоров западные страны выступили единым фронтом, сумели оказать давление на СССР и заставили Горбачева пойти на значительные уступки. В то же время это говорит о том, что без Советского Союза германский вопрос не мог быть решен и его согласие стало решающим условием объединения Германии. Оценивая позицию советского руководства по германской проблеме, необходимо учитывать, что на рубеже 90-х гг. СССР оказался полным банкротом в финансово-экономическом, научно-техническом и интеллектуальном плане. Страна не могла больше тратить огромные средства на военные нужды. Горбачев искал помощи и поддержки извне, надеялся на то, что его уступчивость позволит решить внутренние и внешние проблемы без особых потерь для страны. Именно поэтому в решении вопроса об объединении Германии разыгрывался не советский сценарий, а тот, который предложил Гельмут Коль. Западные страны и СССР несут ответственность за то, что воссоединение двух немецких государств произошло путем поглощения ГДР Федеративной Республикой. Эта модель объединения породила многочисленные проблемы на территории Восточной Германии. Последствия объединения для бывшей ГДР неоднозначны. В области экономики они скорее отрицательны, так как эта часть единой страны оказалась в состоянии еще более острого экономического кризиса, чем до объединения. Высокий спрос на западные товары имел губительные последствия для многих восточных фирм, которые не могли реализовать свою продукцию. Многие области народного хозяйства пришли в упадок. Уровень жизни в Восточной Германии был во много раз ниже, чем на Западе. В 1993 г. правительство ФРГ ввело дополнительный «налог солидарности» в размере 7,5 % от общего дохода для финансирования немецкого единства. Огромные ежегодные отчисления поглощали почти 4 % валового национального продукта объединенной Германии. Однако добиться подъема всей восточногерманской экономики так и не удалось. К тому же «налог солидарности» вызвал недовольство западных немцев. Социально-психологическая интеграция оказалась труднее экономической. За четыре десятилетия раздельного существования у немцев сформировались разные системы ценностей. Поэтому после объединения между западными и восточными немцами сложились далеко не безоблачные отношения. Западные немцы были склонны смотреть на восточных свысока, как на людей второго сорта. Многие экономические, социально-психологические и политические проблемы в единой Германии не решены до сих пор. И только будущее покажет, сможет ли Германия использовать те возможности, которые ей дали объединение и европейская интеграция.

Библиографический список

1. *Данн О.* Нации и национализм в Германии, 1770—1990. СПб., 2003.
2. М. Горбачев и германский вопрос : сб. документов, 1986—1991 / сост. А. Галкин, А. Черняев. М., 2006.
3. *Павлов Н. В.* История современной Германии, 1945—2005. М., 2006.

4. *Патрушев А. И.* Германия в XX веке. М., 2004.

5. Системная история международных отношений, 1918—2003 : в 4 т. М., 2004. Т. 4.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Факторы и условия формирования национальной идеи

Идеологические факторы в XX веке играли важную роль в самоопределении национальных государств и идеология служила основой идентичности. В XXI веке сфера применения и распространения национальных идеологий заметно суживается и видоизменяется. На существенное уменьшение значения идеологий в традиционном смысле этого понятия радикально повлияли грандиозные геополитические и экономические изменения на рубеже 80—90-х годов XX века. С утратой актуальности социалистической идеи и распространением либерализма спектр идей ограничивается. Идеиные поиски перестали быть столь активными и постепенно в XXI веке уступают место прагматическому подходу и экономическим инструментам, нивелированию ценностных установок на Востоке и Западе. Деидеологизация стала одним из основных методологических принципов нового мирового порядка. Однако в условиях глобализации в связи с угрозой утраты национальной и культурной идентичности снова обострилась проблема «пути развития», интенсивным становится поиск национальной идеи. Особенно это характерно для молодых государств Центральной Азии.

В рамках данной статьи речь пойдет об основных вехах в поиске национальной идеи в современном Казахстане. Своеобразие Казахстана заключается, на наш взгляд, в беспрецедентных усилиях и пассионарности поисков так называемой национальной идеи. Публикаций на эту тему в казахстанской прессе и научных изданиях насчитываются десятки наименований [2, 3, 4, 8, 10, 13, 21, 26, 33, 36, 45, 50, 57, 63, 64]. Особое внимание идеологическому компоненту, по мнению политолога Т. Б. Умбеталиевой, стало уделяться с 1985 года [62]. В период с 1985 по 1991 год в центре идейных поисков была идея национального суверенитета. Составным элементом стратегии поиска национальной идеи являлись установки на «чужих» и «своих». Главной «скрытой угрозой» были объявлены «противники суверенитета» из среды активистов русских и казахских организаций республики. В действительности же под данное определение подпадало все неказахское население страны («потомки колонизаторов», «носители имперского сознания» и т. д.) [18]. Эти поиски носили большей частью латентный характер и не были артикулированы на официальном уровне. Распад СССР, разрыв экономических связей вызвал негативную реакцию в республике. С 1991 года, с обретения независимости, в Казахстане наступило время идеологического вакуума и некоторой растерянности. Важно отметить, что в этот момент руководство республики поставило задачу найти некий новый эквивалент прежней идеологии. В период до 1996 года официальные круги стремятся вывести необходимые формулы для обозначения идеологических ориентиров, поиска идейной опоры и ценностных ориентаций. В связи с этим в 1992 году была обнародована «Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства»,

где говорилось, что «доперестроечная державная политика центра поставила казахскую нацию на грань катастрофы и вырождения, десятилетиями шел целенаправленный процесс окультуривания и денационализации» [60, с. 1]. Начало 90-х годов — это время неожиданной свободы мнений и взглядов. В принятой в 1993 году Конституции была закреплена норма, предполагающая развитие идеологического плюрализма. В том же году подготовлена концепция «Идейная консолидация общества как условие прогресса Казахстана», в которой были определены следующие приоритеты: обеспечение стабильности и межнационального согласия как политического условия успешного осуществления реформ; развитие общества, обеспечивающего достаточный уровень благосостояния всех граждан; развитие этнической самобытности и сохранение национально-культурного многообразия Казахстана; углубление демократических преобразований, обеспечение плюрализма в политике [38, с. 10]. Президент Н. Назарбаев рассматривал социалистические и либеральные идеи как два полюса существующего общественно-политического многообразия. Он отметил, что новая идеология должна исходить из того, что современная эпоха характеризуется не конфронтацией капитализма и социализма, а их взаимным слиянием, синтезом. Основой обновления должна стать идея вхождения страны в русло мировой цивилизации с опорой на общечеловеческие, общепланетарные ценности, не подавляющие вековые национальные традиции и общественно-государственную специфику. Однако руководство республики не торопилось с внедрением либеральных ценностей, тем более что было признано отсутствие объективных предпосылок и социальной опоры либерализма — среднего класса (см.: [62]). Н. Назарбаев выделил в этот период следующие приоритеты: идея казахстанского патриотизма, правовая культура народа, идея социального партнерства [38].

Интересно отметить, что в казахстанском обществе было в этот период распространено представление о ненужности идеологии. После десятилетий господства коммунистического режима слово «идеология» воспринималось как нечто пагубное, обозначающее явление, дезорганизующее общество [6]. Негативное мнение общественности в тот период относительно необходимости единой государственной идеологии обосновывалось тем, что тоталитарная идеология противоречит политическому плюрализму. Несмотря на падение «авторитета» коммунистической идеи и настойчивое внедрение в массовое сознание исторической ответственности коммунизма за трагедию, которую переживали все бывшие страны СССР, марксизм продолжал оставаться мировоззрением определенной части общества, функционировать и влиять на сознание людей [44, с. 35].

С 1994 года вектор дискуссии по поводу идеологии Казахстана сместился в другую сторону. Главной точкой споров стала объединяющая идея, а также выяснение ее основных целей. Если в первой половине 90-х годов речь шла главным образом о формировании единой государственной идеологии, то во второй половине спор разгорается вокруг разработки принципов национальной или общенациональной идеологии, а также национальной идеи [62]. В обществе продолжается интенсивная дискуссия о идеологических основах Казахстана.

Идея евразийства

В 1994 году из широкого спектра различных идейных установок глава государства Н. Назарбаев в качестве концептуального ключа выбирает идею

евразийства. На саммите стран СНГ, состоявшемся в октябре 1994 года, он выдвинул проект «Евразийский Союз», который должен был заложить основы нового сообщества, свободного от тоталитарной идеологии прошлого. Евразийство стало одним из удачных ходов во внутренней политике и практически синонимом национальной идеи во второй половине 90-х годов XX века. Оно помогло ограничить влияние радикальных и экстремистских идеологий, прежде всего исламского экстремизма. Евразийская идея должна была, по мысли Н. Назарбаева, решить множество проблем внешнего и внутреннего плана: дать возможность вступить Казахстану в клуб развитых стран; придать стране функцию «моста» между Востоком и Западом, стать связующим звеном на пути интеграции культур Востока и Запада, а также способствовать консолидации общества в единую «казахстанскую» нацию. Интересен тот факт, что из стран СНГ евразийство поддержал только Казахстан в лице президента Н. Назарбаева. Другие же страны Содружества восприняли это учение весьма прохладно, а некоторые (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан и Молдова — будущие члены ГУУАМ) посчитали евразийство скрытой формой российского империализма [65]. Сейчас евразийская идея активно разрабатывается и поддерживается рядом крупных политиков и ученых — писателем Азильханом Нуршанховым, профессором Казахского национального университета В. А. Кимом и др. По мнению А. Головкова, евразийство стало одним из самых удачных тактических ходов во внутренней политике, помогло ограничить влияние радикальных и экстремистских идеологий [16]. Несмотря на заверения А. Дугина о том, что «Казахстан и Россия близки по духу, стилю, по социальному измерению, логике реформ и геополитическим интересам» [69], евразийство Н. Назарбаева нельзя рассматривать с точки зрения представлений данного автора. Н. Назарбаев делает акцент на уникальности опыта и пути Казахстана. Евразийство по-назарбаевски резко отличается от «классического», отторгавшего иудейский фактор как чужеродный элемент. В Казахстане же поощряли деятельность А. Машкевича, возглавлявшего Еврейский конгресс и объявившего себя «преемником евразийцев» [53]. Утверждать, что эта идея была принята и утвердилась в обществе, мы не можем. Для широких кругов общественности она была непонятна, апелляция к наднациональной общности не встретила сочувствия в националистических кругах Казахстана, в поддержке поликультурности усмотрели возврат к тоталитаризму.

Однако Н. Назарбаев осознавал необходимость евразийской интеграции в контексте международной безопасности республики. В книге «Критическое десятилетие» он писал: «Национальная безопасность Казахстана должна быть тесно связана с безопасностью Центрально-Азиатского региона. Безопасность Центрально-Азиатского региона следует рассматривать как составляющую безопасности Центральной Евразии. Центрально-евразийский регион должен быть частью евразийской безопасности, являющейся частью глобальной системы безопасности» (цит по: [20, с. 23]).

Национальная идея имеет еще одну важнейшую составляющую, задача которой сформировать обшенациональный синдром превосходства или хотя бы уникальности страны. Такие идеи были сформулированы в Программе 2030. Следует отметить, что в актуализации евразийской идеи Н. Назарбаев демонстрирует амбиции и претензии, выходящие за рамки трезвого и взвешенного подхода. Так, в своей лекции в Евразийском национальном универ-

ситете он утверждал: «Евразийская Идея как теория была рождена в прошлом веке. Но уверен, что Евразийская Идея как практика организации новой жизни будет воплощена в этом веке. Евразийство — одна из главных идей XXI века. Три кита Евразийской Идеи, практически реализованные по инициативе Казахстана, — это ЕврАзЭС, СВМДА и ШОС. И это — три разных практических выражения одного невыразимого Центра, Единой Евразийской Идеи. И духовной столицей, сердцем Евразии может стать Астана» [39]. В 1997 году Н. Назарбаев пытается сформулировать национальную идею в стиле евразийства в знаменитом Послании «Казахстан — 2030», в котором он говорит о задаче превратить РК через тридцать лет в некий аналог «азиатских тигров» — «Центральноазиатского Барса» с «присущими ему элитарностью, независимостью, благородством, храбростью и хитростью» [42]. Столь многозначные и провокационные эпитеты не были поняты, особенно на Западе, и в XXI веке эту фразу практически перестали цитировать.

Идея казахстанской нации

Еще в 1996 году в Концепции формирования государственной идентичности Республики Казахстан было отмечено, что «...основными идеями государства должны стать единство народа, гражданский мир, социальная стабильность, межнациональное и межконфессиональное согласие, компромисс и терпимость» [30]. В обществе, по мнению руководства, должны утвердиться духовные ценности, основанные на общечеловеческих нормах морали, национальных традициях, воспитывающие гражданскую ответственность и патриотизм. Постепенно из всех этих бесспорных установок выкристаллизовалась идея необходимости формирования казахстанской нации. Эта идея стала новым идеологическим конструктом, в котором совместились и традиционные ценности, и либерально-демократические. На VII сессии Ассамблеи народов Казахстана в 2000 году Н. Назарбаев поставил задачу «создать казахстанцев», а в последнее время (октябрь 2007 г.) им была предложена идея формирования единой казахстанской конкурентоспособной нации. Эта идея получила обоснование и развитие в работах Б. Абдыгалиева, А. Ахмеджанова, А. Гали, В. Курганской, А. Нысанбаева, Р. Кадыржанова и других [1, 15, 32, 48]. Диапазон мнений по этому вопросу представлен довольно широко. Формирование гражданской нации в Казахстане, по мнению доктора философских наук, профессора В. Курганской, является ядром проекта национальной идеи. Она с оптимизмом смотрит на перспективы формирования казахстанской нации и считает, что новая национальная идентичность казахов («казахская миссия») может помочь избежать конфликтов и дестабилизации [32]. В настоящее время формирование казахстанской нации уже часто рассматривается как свершившийся факт [27]. Идею казахстанской нации в ряде работ стали основывать прежде всего на духовно-нравственных ценностях, так называемых общечеловеческих ценностях, на философии ненасилия, компромисса, толерантности и терпимости [6] Однако эту идею все чаще интерпретируют в националистическом духе. Так, по мнению экспертов центра актуальных исследований «Альтернатива», казахстанский патриотизм должен базироваться на казахском патриотизме, а общая направленность данного процесса идти от этнического единения к культурному и языковому единству [1].

Традиционалистская и националистическая составляющая национальной идеи

Н. Назарбаев в выступлении на III съезде республиканской политической партии «Отан» сделал акцент на духовно-нравственных, в том числе религиозных, национальных традициях народов страны. Это — дружба и согласие, национальное примирение, позитивная историческая преемственность, уважение к памяти предков и своей истории. Это, обобщенно, обеспеченная семья, цветущая Земля, в смысле Отчизна, рачительное независимое государство, политическая и гражданская стабильность, мир и спокойствие [41]. Однако характер и тональность высказываний в ряде работ вышли за рамки «уважения к памяти предков и своей истории». В Казахстане идет процесс возвеличивания казахов, идеализации прошлого, фальсификации истории под предлогом воссоздания и закрепления традиционных культурных и мировоззренческих ориентиров. Мифотворчество началось в Казахстане еще в начале 90-х годов XX века в работах Фадли Али, Мурад Аджи (см.: [7, 24]). Сам Н. Назарбаев в этот период высказывал мысли далекие от исторических реалий. В программной речи на торжественном заседании Всемирного курултая казахов Н. Назарбаев заявил: «В результате самоотверженной, упорной борьбы наши далекие предки сумели сохранить не только свою целостность и единство, но и создать в XV веке сильное Казахское ханство. В XVIII—XIX веках наш народ лишился свободы и независимости. <...> Колониализм царской России ни в чем не уступал другим колониальным системам, если не превосходил их. Безбрежная наша степь обернулась собственностью империи. Мы оказались перед угрозой потери веры и языка, культуры и традиций» [17, с. 30]. В работе «“Историческая наука” в постсоветских азиатских государствах А. В. Грозин приводит высказывания и выдержки из наиболее одиозных выступлений и публикаций. Так, в 1996 году в своем докладе, посвященном 10-летию массовых беспорядков в Алма-Ате, президент Казахстана Н. Назарбаев в качестве приоритетной задачи назвал создание этнократического государства, «государства для казахов», которое стало бы лидером в Центральной Азии и укрепило свое положение на мировой арене, участвуя в реализации идеи «Великого Турана» (см.: [18]). В своей книге «В потоке истории» Н. Назарбаев так писал об этом: «“Консервация” традиционного уклада жизни вплоть до начала XX века, несмотря на все давления и деформации, способствовала сохранению мощного этнокультурного сознания. Несмотря на жесткий социокультурный прессинг, никому не удалось сломить механизмы национально-культурного воспроизводства. Работа национально-го духа, часто не заметная за казенщиной тоталитарных излияний лояльности, продолжалась всегда. Казахи не поменяли за долгие годы ни своей конфессиональной, ни этнической идентичности» [37, с. 20].

В публикациях, посвященных истории казахов, с пафосом писали о «метафизике Степи», «номадическом традиционализме», «тенгрианстве» как исконной религии казахов [5; 11, с. 265]. В Казахстане разворачивается новый процесс «исторического переосмысления» — с середины 2003 г. «официальные историки» заговорили о историко-этнической принадлежности монгольского полководца Чингисхана к казахам [18]. В публикациях встречается шовинистическая идея «соединения казахского ума и русских рук» как залога возрождения страны [52].

Акцент на традиционализме для руководства республики носит не столько принципиально идеологический характер, сколько прагматический, т. к. руководство страны уверено, что для успешной модернизации необходимо использовать инструментальную категорию традиции в качестве опоры.

Идея конкурентоспособности

Однако и эти идейно-духовные ценности затем уступили пальму первенства новой идее — конкурентоспособности нации. Одним из первых технократический и прагматический подход высказал К. Ермаков, который в качестве консолидирующей идеи предлагал идеологию модернизации экономики с внедрением в процесс управления рыночного механизма. Он так характеризует данный тип идеологии: «Это и идейная платформа экономических реформ, и трансформация политических институтов, и новый тип социального поведения» [21, с. 35]. В качестве «главной национальной идеи» идея конкурентоспособности нации была провозглашена в октябре 2006 года в рамках выступления Назарбаева на 12-й сессии тогда еще Ассамблеи народов Казахстана [14]. Этому событию предшествовало его выступление в марте того же года с Посланием «Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира» [59]. В ходе дальнейшего процесса идеологизации Нурсултан Назарбаев во время работы прошедшего в июле 2007 года 11-го съезда возглавляемой им народно-демократической партии «Нур Отан» отметил следующее: «Казахстану предстоит войти в число пятидесяти конкурентоспособных стран и жить так, как там живут, какая еще нужна национальная идея?» (цит. по: [66]). Еще более существенным событием стало утверждение 28 декабря 2007 года правительством РК Концепции достижения качественно нового уровня конкурентоспособности и экспортных возможностей экономики Республики Казахстан на 2008—2015 годы. В этом документе прямо сказано, что «национальная идея казахстанцев — стать конкурентоспособными, работать в конкурентоспособных предприятиях и жить в конкурентоспособной стране» [29]. Для достижения этих целей правительство намерено, используя систему образования, госуправления, СМИ, НПО и «становление современной культуры отечественного предпринимательства», развивать «конкурентоспособную ментальность» казахстанского общества. Пока же конкурентоспособность не стала полноценной национальной идеей, глава государства в том же декабре 2007 года провозгласил параллельно в качестве таковой еще и столицу республики — Астану, которая, по его словам, объединила казахстанцев и «стала символом веры народа в свои силы и великое предназначение». Хотя сам факт признания национальной идеей главного города страны является нонсенсом, практически не имеющим зарубежных аналогов, считает директор центра актуальных исследований «Альтернатива» (Казахстан) А. Чеботарев [66].

Технократический и прагматический подход широко применялся к формированию национальной идеи [19, 55, 61, 68]. Даниал Ахметов, в прошлом премьер-министр РК, утверждал: «Нам следует осознать, что конкурентоспособность предприятий в первую очередь зависит от качества продукции в современном понимании этого слова. По большому счету — идея качества должна стать национальной идеей» [9]. Кайрат Келимбетов, в недалеком прошлом министр экономики и бюджетного планирования, говорил: «Сегодня на повестке дня программа повышения производительности труда. Она описана

в стратегии индустриально-инновационного развития. Вот национальная идея» [47]. Галым Оразбаков в период своего пребывания в должности министра индустрии и торговли отмечал: «Доведение качества казахстанской продукции до уровня мировых стандартов должно стать национальной идеей. Сама по себе система сертификации, стандартизации и качества выпускаемой продукции, на наш взгляд, должна стать национальной идеей» (цит. по: [66]).

Поиски альтернативы

В политических и научных кругах Казахстана царит путаница в подходах и определениях национальной идеи и явная методологическая несостоятельность. А. Чеботарев в работе «Национальная идея Казахстана: быть или не быть?» приводит высказывания заместителя руководителя администрации президента РК Маулена Ашимбаева, который в одном из своих интервью подчеркивает, что «идея модернизационного прорыва, мощного рывка, вхождения в число 50 наиболее конкурентоспособных, то есть развитых, стран мира» может стать «одним из базовых элементов Национальной идеи» (цит. по: [66]). Как обоснованно пишет автор, то, что президент страны объявил национальной идеей, один из руководящих функционеров его администрации считает всего лишь ее частью [66]. Создается впечатление, что каждый политик или чиновник формулирует собственную национальную идею страны. Так, в ранг национальной идеи были «возведены» «национальная безопасность» [31] «конституция» [54], «космос» [46], «казахский язык», «наш общий дом» и пр. [74].

Наряду с официальной позицией, высказываниями чиновников, которые, как правило, не выступают в противовес официальной точке зрения, в оппозиционных кругах Казахстана по вопросу национальной идеи продолжается интенсивная дискуссия, которая носит достаточно критический характер по отношению к декларируемым руководством республики установкам. Так, политолог Досым Сатпаев считает, что национальной идеи в Казахстане нет как таковой. То есть она есть, но не используется, не работает на практике, а существует только в виде деклараций на бумаге [56]. Петр Новиков полагает, что бессистемный порядок выхватывания отдельных фрагментов чужого опыта приводит к таким же бессистемным результатам. Аскар Умаров, идеолог оргкомитета движения «Ар», утверждает, что на данный момент в Казахстане господствует идеология, своего рода ассорти из чиновничьей недалекости, западных отбросов и местной бездуховности. По существу, говорит он, деидеологизация казахстанского общества, без реальных альтернатив, обернулась его «дебилизацией», люди сейчас живут без определения идейных ценностей, довольствуясь неокOLONиальной массовой поп-культурой для лохов-аборигенов [22]. В последние годы внимание к проблеме и острота обсуждений не снижаются, а, наоборот, возрастают. В октябре 2008 года в Москве прошел Международный экспертный семинар на тему «Национальная идея и проблемы национального государственного строительства на постсоветском пространстве». Речь шла в основном о Казахстане. Как считает директор казахского центра актуальных исследований Андрей Чеботарев, у Казахстана до сих пор нет своей четко обозначенной идеи, способной сплотить всех граждан республики независимо от их социальной, политической, этнической, религиозной и прочей принадлежности в единую общность [58]. На том же семинаре Юрий Булуктаев, старший научный со-

трудник Института философии и политологии Министерства образования и науки Казахстана, заметил, что, с одной стороны, существует казахская стратегия «Путь в Европу» с приоритетом европейских либеральных ценностей. С другой — политику Казахстана можно определить как этнократическую, что плохо сочетается с европейскими представлениями о гражданском обществе: «Процессы идентификации населения еще не завершены. Сегодня одни говорят о себе “казахи”, другие называют себя “казахстанцами”, третьи — “евразийцами”, а четвертые вообще выбирают “путь в Европу”» [58]. Есть и пессимистические, и резко негативные оценки предпринимаемых усилий. Так, доктор исторических наук Беймбет Ирмуханов, критикуя учебники по истории, публикуемые в Казахстане, призывает отказаться от самообмана, навязываемого безудержным хвастовством и демагогией власти: «Мы хвастаемся будущим, ничего реального не сделав, закрываем глаза на суровую действительность, питаем иллюзорную надежду на конкурентоспособность наших товаров, на создание конкурентоспособного государства» [23]. Критики официальной позиции не только высказываются, но и пишут о проблеме поиска национальной идеи откровенно с иронией и сарказмом. Так, политический обозреватель (под псевдонимом Еркинбек Егеменов), комментируя новости в мае 2009 года, написал о том, что партия «Нур Отан» собралась искоренять... «действующую национальную идею» Казахстана?! [71]. А известный театральный режиссер и деятель культуры Булат Атабаев в своем телевизионном выступлении по 31-му телеканалу на вопрос о том, какой должна быть национальная идея в стране, ответил: «В Казахстане есть действующая национальная идея. Это — коррупция» [72]. Все эти критические и саркастические высказывания — свидетельства того, что в Казахстане произошла явная девальвация национальной идеи, политика правящего клана характеризуется «забалтыванием» реальных проблем, утопизмом и отрывом от реальности.

Трансформация национальной идеи в условиях экономического кризиса

В 2008 году начался новый виток в поиске национальной идеи [12, 25, 28, 34, 49, 51, 67]. Формирование национальной идеи становится официальным госзаказом научным структурам. Оно поручено заведующему культурно-массовым сектором правительства Имангали Тасмагамбетову. В апреле 2008 года в Казахском национальном университете им. аль-Фараби на факультете журналистики состоялась Международная научно-практическая конференция «Национальная идея Казахстана и СМИ: приоритеты будущего». Конференция претендовала на самый широкий охват тем и проблем, связанных с формированием национальной идеи. Проект под названием «Казахстанская национальная идея в контексте диалога культур Востока и Запада» ведет группа ученых факультета философии и политологии (научный руководитель — профессор Т. Х. Габитов). На конференции также рассматривались другие направления: «Консолидация полиэтнического казахстанского общества как основа общенациональной идеи», «Национальная идея и ее художественная разработка в казахской литературе и искусстве».

Очередной этап в поиске национальной идеи был вызван началом глобального экономического кризиса, что потребовало определить новые подходы и пересмотреть старые позиции. В настоящее время Н. Назарбаев сместил

акцент на внешнеполитические аспекты. Во главу угла он поставил партнерство цивилизаций и выдвинул целый ряд инициатив радикального характера для обновления мирового сообщества на основе «акмекапитализма» как высшей стадии глобального партнерства [43]. Основные составляющие национальной идеи остаются неизменными. Это экономический рост, международное согласие, благополучие граждан, демократия и безопасность. Лидер страны поставил задачу беспрецедентную в новейшей истории — встать над национальными интересами и порадеть о всечеловеческом благе. Им предлагается конструирование как новых институтов мирового масштаба, так и изменение терминологии, языка науки и политической практики, отражающих деятельность инновативных институтов, а территорию Казахстана он считает возможным использовать как инкубатор проектной деятельности, некий полигон для апробации новых методик выхода из кризиса. Доминирующей ценностью провозглашается социальная справедливость для всех стран (национальных валют) [40]. Предложенная концепция по-новому ставит вопрос о конкретно-исторической ответственности всех субъектов. В стратегической перспективе президент является приверженцем прогрессивной концепции, которая в качестве общего тренда мирового развития выделяет радикализм новой глобальной модели экономики и политики, основанной на новых мировых финансовых институтах, а также нового языка такого радикализма, считает Гульшат Уразалиева [70]. Национальная идея в этих новых реалиях глобализационного подхода была подвергнута коррекции. Теперь она выражается в триаде: открытость, толерантность, любовь к Родине [73].

И Н. Назарбаев видит ее не в последнюю очередь через опыт Казахстана и евразийского пути, соединяющего многие народы, культуры, религии: «Необходимость “третьего пути”, пути синтеза западной технологической модели и восточной культуры из теоретической гипотезы постепенно превращается в практический императив» (цит по: [35]).

Процесс поиска национальной идеи в Казахстане далек от завершения. Для руководства республики важно найти идеологическую основу национальной и государственной идентичности, а также попытаться добиться консолидации общества вокруг общих и всеми признанных ценностей. На протяжении последних полутора-двух десятилетий менялись приоритеты, смещались акценты, изменялась и сущностная составляющая национальной идеи. В настоящее время выкристаллизовались несколько четко обозначенных тенденций. Во-первых, приоритет сейчас отдается национальным ценностям, евразийство как синтез культур уходит на второй план. Во-вторых, в поисках идейных основ превалирует прагматический и технократический подход, при котором главными критериями становится конкурентоспособность и эффективность экономики.

Библиографический список

1. *Абдыгалиев Б., Ахмеджанов А.* Казахская миссия : (концепция модернизации казахской нации). URL: <http://www.alternativakz.org/index.php?go=polinfo&in=view&id=16>
2. *Аженов М.* Отношение к марксизму сегодня // Мысль. 1993. № 11.

3. *Аженов М., Максименко Н.* Какой быть идеологии в Казахстане? // Там же. 1994. № 1.
4. *Айталиев А.* Патриотизм. Идеология. Какими они должны быть? // Там же. № 5.
5. *Акбашиев Т.* На пути к национальной идее // Саф Сана — идея, нация, страна : (системная философия). URL: <http://safsana.chat.ru/teor46.html>
6. *Алияров Е. К., Борбасов С. М.* Приоритеты национальной идеологии Казахстана. URL: <http://www.sarap.kz/rus/view.php?id=171>
7. *Артыкбаев Ж. О.* История Казахстана. Костанай ; Астана, 2006.
8. *Арынов Е., Машанов М.* Идеиные парадигмы в эволюции общественно-политического процесса в Казахстане // Саясат. 1997. № 9.
9. *Ахметов Д.* Казахстанская промышленность должна переходить на международные стандарты качества. URL: <http://www.nomad.su/?a=3-200310200029>
10. *Ахметова Л.* О патриотизме и идеологии // Мысль. 1994. № 5.
11. *Аюпов Н. Г.* Духовные ценности, как стабилизирующий фактор // Казахстан на пути к устойчивому развитию. Алматы, 1996.
12. *Балгимбаев А.* Нация и национальная идея // Литер. 2008. 11 сент. URL: <http://www.liter.kz>
13. *Бендогаров К.* Идеи должны работать на объединение // Мысль. 1994. № 4, 5.
14. Выступление Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева на XII сессии Ассамблеи народов Казахстана (Астана, 24 октября 2006 года). URL: <http://www.akorda.kz/>
15. *Гали А. Б.* Контуры казахской национальной идеи. Киян ; Алматы, 2004.
16. *Головков А.* Умеренный автократ : линия судьбы Н. Назарбаева. URL: http://faces.ng.ru/foreign/2000-06-29/7_line.html
17. Государственные символы Республики Казахстан. Алматы, 1997.
18. *Грозин А. В.* «Историческая наука» в постсоветских азиатских государствах. URL: <http://yaik.nichost.ru/forum/showthread.php?t=42>
19. Доведение качества продукции до уровня мировых стандартов должно стать национальной идеей // Казахстан сегодня : информ. альм. 2008. 23 янв.
20. *Дутбаев Н.* Региональная безопасность // Мысль. 2003. № 6.
21. *Ермеков К.* Главное — осознавать себя гражданином // Там же. 1994. № 3.
22. Еще раз о национальной идеологии. URL: <http://www.zonakz.net/.../articles/nonkonf030401a.shtml>
23. *Ирмуханов Б.* Согнем историю в бараний рог // Простор. 2008. № 1. URL: <http://prostor.ucoz.ru/publ/23-1-0-1043>
24. История Казахстана с древнейших времен до наших дней : очерк / А. Акишев, М. Асылбеков, К. Байпаков, Ж. Касымбаев, М. Козыбаев, Т. Мансуров, К. Нурпеисов. Алматы, 1993.
25. Какая идеология нужна казахстанцам и нужна ли она вообще? // Литер. 2008. 19 июля. URL: <http://www.liter.kz>
26. Какая нам нужна идеология? : круглый стол журнала «Мысль» // Мысль. 1994. № 5.
27. *Калетаев Д. А.* Социально-политическая консолидация казахстанского народа: особенности и проблемы : моногр. Алматы, 2007.
28. *Коновалов С. А.* Социальный оптимизм как социологическое открытие и идеология в Казахстане // Казахстан-Спектр. 2008. № 4.
29. Концепция достижения качественно нового уровня конкурентоспособности и экспортных возможностей экономики Республики Казахстан на 2008—2015 годы: (одобрена Постановлением Правительства Республики Казахстан от 28 декабря 2007 года № 1332) // Законодательство : юрид. справ. URL: <http://www.do.ektu.kz/laws/prk7.asp>
30. Концепция формирования государственной идентичности Республики Казахстан. URL: <http://www.zonakz.net/articles/14849>
31. *Косанов А.* Особенности «национальной безопасности». URL: <http://kaz0302.htm>

32. *Курганская В.* Национальная идея и перспективы формирования казахстанской нации. URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2109/>
33. *Кишибеков Д.* Какой быть новой идеологии? // Мысль. 1993. № 10.
34. *Лобанов А.* Казахстан: кризис культуры, время собирать камни // Литер. 2008. 25 февр. URL: <http://www.liter.kz>
35. *Майлыбаев Б.* Национальная идентичность и императив истории : политический дискурс в книгах Нурсултана Назарбаева. URL: http://www.baiterek.kz/archive/b02_03/pr1.html
36. *Мурадов М.* К поиску объединяющей идеи, или О моральной диктатуре интеллигенции // Мысль. 1994. № 3.
37. *Назарбаев Н. А.* В потоке истории. Алматы, 1999.
38. *Назарбаев Н. А.* Идеиная консолидация общества как условие прогресса Казахстана. Алматы, 1993. URL: <http://www.contur.kz/node/161>
39. *Назарбаев Н. А.* К экономике знаний через инновации и образование : лекция Президента Республики Казахстан в Евразийском национальном университете им. Л. Н. Гумилева // Казахстанская правда. 2006. 27 мая.
40. *Назарбаев Н. А.* Ключи от кризиса // Российская газета. 2009. 2 февр.
41. *Назарбаев Н.* Выступление на III съезде республиканской политической партии «Отан». URL: <http://safsana.chat.ru/teor46.html>
42. *Назарбаев Н.* Казахстан — 2030 : Послание Президента страны народу Казахстана // Казахстанская правда. 1997. 11 окт.
43. *Назарбаев Н.* Стратегия радикального обновления глобального сообщества и партнерство цивилизаций. Астана, 2009.
44. *Назарбаев Н.* Три кита единой евразийской идеи — ЕврАзЭС, СВМДА и ШОС. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1148709660>
45. *Николаев С.* Как создается национальная идея? // Свободная мысль. 1997. № 6.
46. Новой национальной идеей Казахстана становится космос. URL: <http://www.nkau.gov.ua/gateway/news.nsf/NewsTodayR/8B0E4A28E1D79F9BC225702A002F760A!open>
47. *Нос И., Келимбетов К.* Быть прагматиками, считать и зарабатывать // Казахстанская правда. 2005. 3 июня.
48. *Нысанбаев А. Кадыржанов Р.* Национальная идея Казахстана: гражданская или этническая? URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1166999820>
49. Общенациональная идея. URL: <http://www.pois.ru/>
50. Ориентиры общественного сознания : к итогам республиканского совещания по идеологической деятельности // Мысль. 1993. № 8.
51. Охота на идеологию: на этой неделе снова говорили о внутренней идеологии применительно к перспективам Казахстана // Литер. 2008. 6 июля. URL: <http://www.liter.kz>
52. *Петров И.* Казахский каганат. URL: <http://kazakhstan.htm>
53. *Прохоров С.* Страна «мыльных пузырей». URL: <http://www.zonakz.net/articles/4print.php?artid=4150?>
54. *Рогов И.* Конституция Казахстана — центральное звено национальной идеи // Казахстанская правда. 2008. 30 авг.
55. *Сабден О.* Национальная идея Казахстана и стратегия конкурентоспособности // Там же. 2006. 10 февр.
56. *Сатпаев Д.* Тоска по национальной идее : (10-летию казахстанской национальной идеи посвящается). URL: <http://www.gazeta.kz/art.asp?aid=20956>
57. *Сатубалдин С.* Какую идеологию востребует время? // Мысль. 1994. № 10.
58. Страны СНГ. Русские и русскоязычные в новом зарубежье : информ.-аналит. бюл. 2008. 6 окт. № 204. URL: <http://www.materik.ru/upload/iblock/2b9/2b954bd7d572d86cca2b8036e128584f.pdf>
59. Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира : Послание Президента республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1141208040>

60. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства. URL: <http://www.bureau.kz/lib/download/515.doc>
61. Токаев К.-Ж. Идея качества должна стать национальной идеей // Казинформ. 2003. 17 окт.
62. Умбеталиева Т. Б. От государственной идеологии к национальной идее. URL: <http://www.kisi.kz/site.html?id=677#0>
63. Холодков А. Есть ли будущее у социалистической идеологии? // Мысль. 1993. № 1.
64. Холодков А. О мнимых и фактических противоречиях в теории и практике социализма // Там же. № 6.
65. Хохлов И. И. Российские внешнеполитические школы. Гл. 2. URL: <http://www.nationalsecurity.ru/library/00001/00001ch2part2f.htm>
66. Чеботарев А. Национальная идея Казахстана: быть или не быть? URL: <http://www.ia-centr.ru/expert/2368/>
67. Шеръязданова К. Г. Идея евразийства: классическая теория и современность // Саясат. 2007. № 4.
68. Шоманов А. Стратегия конкурентоспособного развития в контексте национальной идеи независимого Казахстана // Литер. 2006. 27 дек.
69. URL: <http://evrazia.org/modules.php?name=News&sid=2182>
70. URL: <http://gu.interro.ru/2009/02/10/18/>
71. URL: <http://www.geokz.tv/article.php?aid=8305>
72. URL: <http://www.geokz.tv/printing.php?aid=8305>
73. URL: <http://www.gylymkaz.kz/otchet1.html>
74. URL: http://www.kt.kz/index.php?lang=rus&act=arch_n&n_date=2009-7-10

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НА СТОЯНКЕ САХТЫШ ПА

Нео-энеолитический могильник на стоянке Сахтыш ПА является на сегодняшний день самым крупным среди некрополей Сахтышского археологического комплекса и пока самым крупным на территории всего Волго-Окского междуречья. Его материалы уже частично опубликованы, в том числе подробная кранио-антропологическая характеристика погребенных [1—17, 19]. В настоящей заметке рассматриваются результаты радиоуглеродного датирования костных останков человеческих захоронений, выполненного в середине 1990-х гг. в Радиоуглеродной лаборатории ГИН РАН с помощью классической β -распадной методики¹.

Стоянка Сахтыш ПА (Тейковский р-н Ивановской обл.) расположена на низком левом берегу небольшого озеровидного расширения старого русла р. Койки, примерно в 2 км к югу от ее истока из древнего оз. Сахтыш.

Поселение исследовалось Верхневолжской экспедицией ИА РАН под руководством Д. А. Крайнова в 1987—1994 гг. Оно многослойное. Культурный слой формировался на тяжелых минеральных суглинках на протяжении нескольких тысячелетий: от эпохи позднего мезолита до начала раннего железного века. Его мощность колебалась в пределах 40—60 см. Здесь за восемь лет раскопок на вскрытой площади в 764 кв. м помимо огромного количества артефактов, многочисленных столбовых и хозяйственных ям было обнаружено два «святилища» и 72 захоронения.

Захоронения имели достаточно четкую стратифицированность и в большинстве случаев относительно хорошую сохранность. Кроме того, последовательность и непрерывность раскопок позволили предельно полно изучить по отдельности практически все погребения, понять общую систему в их расположении и в итоге разделить их на два автономных кладбища — льяловское и волосовское, объединенных общей территорией, но разделенных во времени.

Льяловский могильник

Состоял из 15 погребений (№ 11, 12, 16, 22, 29, 40—43, 52, 55, 59—61, 65)². Два из них (№ 16, 22) обнаружены в материковом желтом суглинке, одно (№ 11) в материковых ортзандах, остальные в основании культурного слоя, представлявшего собой твердую осуглиненную супесь серого цвета. Глубина залегания скелетов от современной поверхности составляла в основном 0,47—0,55 м, а некоторых — от 0,58 до 0,7 м.

© Костылёва Е. Л., Уткин А. В., 2009

¹ Авторы выражают искреннюю благодарность Л. Д. Сулержицкому за проведенное датирование.

² Нумерация для нео- и энеолитических погребений единая.

Могильные ямы зафиксированы в девяти случаях. В плане они имели форму правильного прямоугольника с закругленными углами или вытянутого овала. В поперечном и продольном разрезах напоминали корытообразные выемки. Размеры ям с костяками взрослых субъектов колебались от 182 x 50 до 212 x 65 см, с детскими — от 90 x 47 до 140 x 68 см. Прослеженная глубина (от отметки фиксации могильного пятна до дна) составляла 12—20 см, что, по-видимому, близко к изначальной глубине ям.

Засыпка могил состояла из относительно рыхлого культурного слоя с разрозненными находками, среди которых преобладали отщепы, кости животных и керамика. Последняя представлена была только двумя видами — верхневолжской и льяловской, причем черепки первой по количеству превосходили черепки второй в два с половиной раза. И еще, это самое главное: если верхневолжская керамика относится к различным периодам развития верхневолжской культуры, то льяловская представлена исключительно ранними типами, в том числе и фрагментами от сосудов так называемого «северного» облика.

13 захоронений являлись одиночными, два — парными. В могиле 59 находились два ребенка, в могиле 61 — молодая женщина с младенцем. Степень сохранности скелетов была различной. Костные останки в трех детских погребениях (№ 41, 52, 59) имели большие утраты в силу естественных причин. Пять захоронений (№ 12, 16, 55, 60, 61) оказались механически поврежденными в энеолитическое время: два — при постройке «святилищ», одно — волосовской могилей, прочие — хозяйственными ямами. Костяки остальных погребенных (№ 11, 22, 29, 40, 42, 43, 65) сохранились в более-менее полном анатомическом порядке.

В 12 захоронениях (№ 11, 12, 16, 22, 29, 40, 42, 43, 59а-б, 61а, 65) положение скелетов фиксировалось четко, в двух — предположительно (№ 41, 60), в трех позу определить не представлялось возможным из-за полной разрушенности костяков (№ 52, 55, 61б). В первом парном погребении (№ 59) детские останки лежали параллельно друг другу в вытянутом состоянии: один на спине, другой на левом боку. Во втором парном захоронении (№ 61) женский костяк (точнее, его сохранившаяся верхняя половина) находился в вытянутой позе навзничь с руками вдоль туловища, а поверх таза покоился череп младенца. Среди индивидуальных погребений два обнаружены в положении вытянуто на животе (№ 12, 22), восемь — вытянуто на спине (№ 16, 29, 40—43, 60, 65). Верхние конечности и у тех и у других фиксировались параллельно корпусу или слегка согнутыми в локтях с кистями, положенными в области живота. В 11-й могиле молодая женщина была захоронена в сильно скорченном состоянии на левом боку.

Каких-либо следов от внутримогильных сооружений не отмечено. Но визуальные наблюдения над костяками в процессе расчистки дают основания сделать заключение, что некоторые трупы, как детей, так и взрослых, погребались туго спеленутыми (№ 11, 16, 22, 43). Причем у последних пеленалось только туловище. Об этом свидетельствует неестественная узость верхней части посткраниального скелета, предельно сильное сжатие грудной клетки и плотное примыкание к ней костей рук.

Единственный случай использования в похоронном обряде охры, помимо фиксации ее крупинок в засыпке могил, прослежен в погребении 61. Здесь небольшое по размерам пятно темно-розовой краски находилось под женским черепом.

Ориентировка по сторонам света установлена практически для каждого костяка, за исключением уничтоженного захоронения 55. Основная масса погребенных была положена головами в южном направлении (№ 16, 22, 41, 52, 65, 29, 42, 43, 60). У четырех зафиксировано диаметрально противоположное направление — на северо-запад (№ 12, 40 и 61а-б). Другими словами, ориентировку абсолютного большинства погребений следует определять как близкую к меридиональной, а положение костяков как параллельное течению р. Койки. Из этой схемы выпадают два захоронения, в которых скелеты (№ 11 — скорченный — и № 59 — два детских) лежали черепами на восток.

Расположение могил по площади кладбища было достаточно рассеянное, но вместе с тем имело четкую систему: они образовывали некое подобие четырех коротких рядов, ориентированных с юго-запада на северо-восток и состоявших каждый из двух-трех параллельных захоронений (№ 60—59—61; 55—42; 41—43—40; 22—29), удаленных друг от друга на 1,5—4, иногда до 6,5 м. Кроме того, две могилы (№ 12, 16) длинной осью находились практически на одной линии с погребением 29. То есть структурно льяловский могильник на стоянке Сахтыш ПА можно назвать линейно-рядовым.

Из 15 захоронений одиннадцать являлись безынварными, остальные четыре сопровождалась немногочисленными, но достаточно эффектными изделиями, среди которых доминировали орудия из кости (№ 22, 40, 61а). В одном (№ 65) обнаружена эмбрионовидная глиняная фигурка.

Половозрастной состав погребенных достаточно пестрый: семь костяков — детские, в основном младенческого возраста (№ 41, 43, 52, 55, 59а-б, 61а), прочие принадлежали взрослым субъектам, из них шесть являлись женскими (№ 11, 16, 22, 29, 61а, 65), три мужскими (№ 12, 40, 42) и пол одного, полностью разрушенного (№ 60), не установлен.

Отнесение рассмотренных захоронений к льяловской культуре надежно документируется их стратиграфической диспозицией. Они не могли быть верхневолжскими, поскольку были впущены в материковые и предматериковые отложения с подошвы льяловского слоя и прорезали верхневолжский горизонт. Нет оснований интерпретировать их и как волосовские, т. к. три погребения — № 16, 55, 61 — были нарушены достоверно волосовцами, а еще три — № 29, 42, 65 — оказались перекрыты волосовскими захоронениями. Об их льяловской принадлежности свидетельствуют также немногочисленные, но типично льяловские вещи, намеренно положенные с покойниками, в частности орнаментированный короткий кинжал с антропоморфной рукоятью, обломок гарпуна с крупными клювовидными зубцами и уже упоминавшаяся эмбрионовидная глиняная фигурка.

Обнаруженные в засыпке ряда могильных ям фрагменты льяловской керамики, относящиеся исключительно к ее ранней фазе, однозначно указывают на раннеल्याловское время совершения захоронений, т. е. льяловский могильник на Сахтыше ПА функционировал на начальном этапе развития льяловской культуры. На это косвенно указывают и резкие различия в антропологических типах покойников, что следует рассматривать как отображение исторических реалий, а именно: расовую дифференциацию сахтышской общины льяловцев, состоявшую из пришлого с севера населения монголоидного облика (Сах-ПА: 11, 22, 61а), европеоидов-аборигенов — представителей раннеолитической верхневолжской культуры (?) (Сах-ПА: 42) — и метисов (Сах-ПА: 40) [2, 3].

Наши выводы, обоснованные сугубо археологически, как нельзя лучше подтвердились независимым радиоуглеродным анализом костных останков

из четырех могил — № 12, 16, 29 и 42. В них покойники были захоронены в интервале 6130 ± 120 — 5820 ± 200 л. н. (таблица), что хорошо согласуется с хронологической шкалой развития льяловской культуры [18].

Из этого, в общем-то достаточно компактного блока, выпадает датировка 43-го погребения — 8700 ± 800 л. н. (таблица). Она, как видим, указывает на «мезолитический» возраст погребенного, что противоречит и стратиграфии, и планиграфии льяловского могильника, и вообще представлениям о хронологии лесного неолита. Чем объяснить столь «древний» возраст этого костяка? Мы ответить затрудняемся. Но учитывая большую погрешность даты (± 800 л. н.), считаем ее ошибочной, поэтому в дальнейшем принимать ее во внимание не стоит. И последнее. На радиоуглеродный анализ были представлены образцы еще из двух погребений (№ 40 и 65; таблица), однако датировки по ним не получились из-за крайне малого объема материала³.

Волосовский могильник

Он объединял 57 захоронений (№ 1—10, 13—15, 17—21, 23—28, 30—39, 44—51, 53, 54, 56—58, 62—64, 66, 67). Все находились в культурном слое поселения, сильно насыщенном органикой. Могильные ямы не прослежены. Уровень залегания погребенных был незначителен и колебался в пределах 15—53 см от современной поверхности, большинство же зафиксировано в верхней части волосовского горизонта, на глубине 15—25 см. Сохранность костяков была очень плохая, анатомический порядок практически всех скелетов в той или иной степени оказался нарушенным. Более-менее удовлетворительно сохранилось только около двадцати костяков (№ 4, 6, 10, 13А, 14, 15, 24, 26, 28, 32А, 34, 36А, 39, 56, 58, 63, 64, 66). Восемь были разрушены полностью (№ 8, 13Б, 18, 21, 25, 31, 37Б, 38). Большинство скелетов имело явно механические нарушения: костяки ранее погребенных частично или полностью разорялись при совершении более поздних захоронений, но особенно активно они разрушались в процессе хозяйственной деятельности последующими обитателями поселения⁴ и грызунами.

Специфической формой нарушения костяков являлись посмертные манипуляции с трупами. Таковые установлены для четырех скелетов. Во втором погребении была ампутирована голова; ее захоронили рядом, а на ее место положили крупный валун. В захоронении 63 среди обломков раздавленного черепа расчищена кварцитовая галька, которой покойнику перед засыпкой разбили лицевой скелет. У молодой женщины в 66-м погребении отсутствовали кости обеих ступней, а на большой и малой берцовых костях левой ноги имелись глубокие следы ударов рубящим орудием. Следы неглубоких и незаживленных порезов костной ткани отмечены также на левом бедре мужчины из 62-го захоронения.

³ Отбор образцов костных останков погребенных на радиоуглеродный анализ производился антропологом В. Н. Федосовой (ныне В. Н. Филберт). Ею отбирались главным образом кости верхнего отдела посткраниального скелета (обломки ребер, позвонков, ключиц, лопаток, т. е. то, что не пригодно для антропологических измерений).

⁴ В частности, у мужского костяка в 67-м погребении левая сторона туловища оказалась разрушенной ямой эпохи бронзы, в которую была складирована разрубленная туша овцы/козы.

Радиоуглеродные датировки погребений могильника Сахтыш ПА

№ погребений	Погребения		Индекс лаборатории и номер образца	Дата, л. н.	Соответствие / не соответствие хронологии культур
	пол	возраст			
I. Льяловские погребения					
12	М	30—40	ГИН-7185	6110 ± 200	Соответствует
16	Ж	20—25	ГИН-7492	6130 ± 120	Соответствует
29	Ж	40—45	ГИН-7195	5820 ± 200	Соответствует
40	М	50—60	ГИН-6586а	—	—
42	М	20—25	ГИН-6586	6060 ± 150	Соответствует
43	?	5—6	ГИН-6587	8700 ± 800	Не соответствует
65	Ж	35—45	ГИН-7491	—	—
II. Ранневолосовские погребения					
1	М	≈ 35	ГИН-6236	—	—
2	М	30—35	ГИН-6235	—	—
5	М	40—45	ГИН-6237	4800 ± 200	Соответствует
10	Ж	20—25	ГИН-6234	4540 ± 160	Соответствует
14	М	≈ 40	ГИН-7187	5380 ± 140	Не соответствует
17	?	Детский	ГИН-7493	—	—
20	Ж (?)	?	ГИН-7196	—	—
28	М	35—40	ГИН-7190	4740 ± 110	Соответствует
34	М	50—55	ГИН-7276	4540 ± 150	Соответствует
39	М	30—35	ГИН-6585, 6752, 6753, 7175	—	—
64	Ж	45—50	ГИН-7490	4550 ± 350	Соответствует
III. Поздневолосовские погребения					
13А	Ж	35—40	ГИН-7189	4200 ± 240	Соответствует
13Б	М	50—60	ГИН-7186	—	—
19	Ж	?	ГИН-7193	—	—
21	?	≈ 25	ГИН-7191	—	—
23	Ж	?	ГИН-7192	—	—
25	Ж	30—35	ГИН-7192	—	—
27	Ж	30—35	ГИН-7194	—	—
31	Ж	?	ГИН-7275	5540 ± 150	Не соответствует
32А	М	?	ГИН-7274	7730 ± 70	Не соответствует
32Б	М	40—45	ГИН-7271	3040 ± 200	Не соответствует
33	М	50—55	ГИН-7277	3550 ± 200	Не соответствует
35	М	35—40	ГИН-7273	4080 ± 180	Соответствует
36А	М	40—45	ГИН-7272	2030 ± 260	Не соответствует
36Б	М	20—25	ГИН-7270	5090 ± 90	Не соответствует
37А	Ж	40—45	ГИН-7497	—	—
47	Ж	50—55	ГИН-7493	—	—
48	Ж	30—35	ГИН-7498	—	—
49	Ж (?)	40—45	ГИН-7499	—	—

Все волосовские погребения были одиночными⁵, возможно, за исключением одного — № 50⁶.

Поза установлена у 51 костяка. Она однообразна — погребенные лежали на спине вытянуто с руками вдоль туловища, у некоторых они были слегка согнуты в локтях и кистями положены в области живота, у трех фаланги пальцев находились под тазовыми костями (№ 15, 24, 28). 49 скелетов (и два предположительно) были ориентированы черепами в юго-западном направлении, перпендикулярно берегу Койки; по одному — на северо-запад (№ 47) и север (№ 49).

21 погребение не сопровождалось никакими вещами. В прочих 36 присутствовали только украшения: из янтаря, камня, кости и зубов животных, которые были нашиты на одежду покойников. Кроме того, возле некоторых костяков встречены единичные зоо- и артефакты, положенные преднамеренно. Это — нижние челюсти бобра, клыки медведя, расколотый вдоль рог лося и обломок костяного заострения. Охра в погребальном обряде не применялась.

По площади некрополя погребения располагались рядами. Формально выделяются пять рядов и еще, как минимум, два по планиграфии и стратиграфии⁷. Шесть из них ('А', 'В—Ж') ориентированы с северо-запада на юго-восток, один ('Б') — с севера на юг. Четыре захоронения находились вне рядов (№ 8, 44, 54, 49). В первом ряду ('А') было захоронено семь покойников, интервалы между погребенными составляли около 2,5—5 м. Примерно аналогичная дистанция между могилами отмечена в седьмом ('Ж') ряду. Несколько бóльшая — в реконструируемом нами шестом ряду ('Е'). В остальных захоронения залегали относительно друг друга на близком расстоянии, иногда вплотную или вообще перекрывали одно другое.

Рядовая структура рассматриваемого могильника свидетельствует, на наш взгляд, о хронологических этапах формирования волосовского кладбища. Правда, установить четкую последовательность групп погребений окончательно не представляется возможным. Достоверно выделяются только наиболее ранние и наиболее поздние группировки. К первой относятся три ряда — 'А', 'Б' и 'Е'. Здесь у всех погребенных низы фиксировались на отметках 25—53 см (первый ряд) и 26—45 см (ряды 'Б' и 'Е'), в основании волосовского горизонта или чуть ниже его, т. е. покойники были захоронены в период начальной стадии накопления энеолитического слоя. Во вторую группу выделяются захоронения в третьем, четвертом, пятом и седьмом рядах ('В', 'Г', 'Д' и 'Ж'), где уровень залегания костяков от современной поверхности составлял всего 15—25 см, что соответствует верхнему ярусу волосовского горизонта.

Порядно наблюдались отличия и в степени сохранности скелетных остатков. В первом ('А') ряду почти все они залегали в полном анатомическом

⁵ В качестве парных погребений в процессе раскопок нами были атрибутированы два ярусных захоронения — № 7 и 32 [8]. Однако в обоих случаях нижние костяки оказались разрушенными при погребении верхних, т. е. формально и те и те автономны и их следует рассматривать как одиночные.

⁶ При лабораторном изучении скелета (женского) из этого захоронения В. Н. Федосова обнаружила несколько детских костей младенческого возраста.

⁷ В отличие от первых публикаций [4, 8, 9] в настоящей заметке цифровая нумерация рядов заменена на буквенную.

порядке, во втором ('Б') и в шестом ('Е') — оказались частично растащенными или неполными, в остальных и вне рядов — сильно разрушенными.

Если различий между ранними и поздними погребениями в позах костяков и их ориентировках, за исключением единичных случаев, практически не фиксировалось, то по составу украшений они имели существенные отличия. В ранних ведущих, а порой и единственными видами были изделия из восточно-прибалтийского янтаря, особенно популярного у мужчин [4], в поздних же — подвески из камня, кости и зубов животных.

Наконец, только на заключительном этапе функционирования кладбища отчетливо отмечался ритуал посмертной манипуляции с трупами, который получит у волосовцев широкое распространение в финальный период развития культуры.

Краниологическая серия из волосовских погребений Сахтыша ПА, оказавшаяся пригодной для всестороннего антропологического изучения, состоит из 16 единиц (семь женских и девять мужских [2, 3]).

Из семи черепов раннего периода три (Сах-ПА: 4, 9, 39) диагностируются как мезокранные европеоиды со специфическими особенностями горизонтального профиля — при незначительной уплощенности в верхней части лица средняя профилирована очень резко. Эти же признаки повторяются на одном мужском черепе (Сах-ПА: 15), но есть у него и отличие: он брахикранный. Последние два черепа — женские (Сах-ПА: 10, 46) — характеризуются как короткоголовые с сильно уплощенным лицевым скелетом и средневыступающим носом, т. е. в их облике явно чувствуются черты большой монголоидной расы, по которым они сближаются с льяловской брахикранный серией.

В поздневолосовских погребениях черепа продолжают иметь европеоидный облик с незначительной примесью монголоидности, распадаясь по указателю на мезокранные (Сах-ПА: 13Б, 33, 66) и брахикранные, причем брахикранный за исключением одного случая выражена слабо (Сах-ПА: 32Б, 54). Новым в этот период является четко вычленимая краниологическая группа европеоидных, умеренно долихокраниальных черепов (Сах-ПА: 13А, 35, 36А, 47, 58). Возможно, некоторые из этих индивидуумов влились в состав поздневолосовской общины со стороны. Таковым вполне мог быть, в частности, верхний покойник из ярусного двухактного погребения 36А, измерения на черепе которого близки краниологическому бланку фатьяновцев.

С комплексом ранневолосовских захоронений мы связываем также первое «святилище», в котором обнаружена уникальная роговая маска-личина [4, 19] и два ритуальных клада вещей: один состоял из восьми янтарных подвесок, второй — из стольких же узких иволистных наконечников стрел с двусторонней струйчатой ретушью. А с поздневолосовским — вторую «святилищную» яму, раскопанную в 1991 г. на северо-восточной окраине могильника [8, 14—17].

На радиоуглеродное датирование было передано 32 образца из 29 волосовских погребений. Результаты их анализов, в отличие от льяловских, оказались далеко неоднозначными. Так, для 15 захоронений (пяти ранних и десяти поздних; таблица) даты вообще не получились, и причина этого довольно таки странная. В костных останках отсутствовал коллаген?! Подобное возможно, когда кости вывариваются, но костяки погребенных, если судить по их положению *in situ*, не подвергались никакой варке. Поэтому объяснение следует искать в других плоскостях. Или коллаген был «съеден» какими-то

бактериями, или... перед сокрытием трупов их специально окропляли каким-то неизвестным нам раствором. Последнее предположение, в общем-то, из области фантастики, но в будущем на него, как нам кажется, следует обратить внимание исследователей⁸. Ясно одно: объем образцов здесь не причем, т. к. 39-е захоронение пытались датировать и по мелким, и по крупным костям четыре раза. Результат нулевой. Подобная ситуация повторилась при датировании одного костяка из коллективного финальноволосовского захоронения 16 на соседней стоянке Сахтыш II и синхронных погребений на поселении Сухое в Восточном Прионежье⁹.

Семь дат (одна для ранневолосовского захоронения и шесть для поздних) оказались не соответствующими хронологии волосовской культуры (таблица). Это наглядно иллюстрируется датировками двух погребений (№ 32А и Б), перекрывавших одно другое: возраст верхнего костяка определен как «мезолитический», а нижний «датирован» позднебронзовым веком! Нонсенс! Лабораторные ошибки в этом случае нами исключаются однозначно, однако как-то объяснить эти результаты на сегодняшний день мы не можем. С одной стороны, это могло быть обусловлено малым объемом датированных образцов, а с другой — содержанием малой дозы коллагена в костях. Возможно, на конечные результаты повлияло и то и другое.

Семь датировок мы признаем достоверными. Пять дат относят ранние погребения к интервалу 4800 ± 200 — 4540 ± 150 л. н. и две ограничивают совершение поздних захоронений в пределах 4200 ± 240 — 4080 ± 180 л. н. (таблица).

Объективность этих дат обуславливается не только их соответствием хронологии волосовских древностей, но и четырьмя радиоуглеродными датировками, полученными с этого же памятника, но уже по углям. Три из них фиксируют ранневолосовское время. Для угля, взятого из мощного кострища в нижнем горизонте волосовского слоя в квадрате 38 с глубины 40—50 см, получена дата 4690 ± 190 (ГИН-5892). Древесина из первого «святилища», отобранная непосредственно из-под роговой маски-личины, имеет возраст 4790 ± 180 л. н. (ГИН-6556), а угли из верхнего яруса заполнения, т. е. когда «святилище» было уже заброшено, — 4430 ± 250 л. н. (ГИН-6555).

Наконец, четвертая дата определяет время существования второго, поздневолосовского «святилища». Судя по углю со дна ямы, оно было сооружено около 4240 ± 160 л. н. (ГИН-6787).

Таким образом, на стоянке Сахтыш IIА волосовский некрополь функционировал фактически непрерывно очень длительное время, ориентировочно около 700—720 лет. За этот период похоронный обряд, по крайней мере, его внешние формы кардинально не менялись, что свидетельствует об устойчивости выработанных традиций и об отсутствии каких-либо мощных инокультурных воздействий со стороны.

⁸ В пользу этого предположения как будто свидетельствуют следующие наблюдения. Глубина залегания погребений была незначительной, однако трупы не разрывались хищниками и не поедались: на костях нет никаких следов погрызов. Что-то хищников отпугивало. Что? Перемещение же части мелких костей грызунами при устройстве своих нор и подземных ходов происходило в более позднее время, когда мышечные ткани уже успели разложиться.

⁹ Личное сообщение С. В. Ошибкиной в 1997 г.

Заключение

Итак, на стоянке Сахтыш ПА Верхневолжской экспедицией ИА РАН за семь лет исследованы два погребальных комплекса — неолитический (льяловский) и квазиэнеолитический (волосовский). Оба раскопаны полностью. Для обоих обоснованы археологические датировки («ранний — поздний»), которые надежно подтверждаются и уточняются независимыми радиоуглеродными датами. Эти комплексы пока самые представительные в Волго-Очье и археологически, и антропологически и единственные, имеющие радиоуглеродные датировки¹⁰. Других в обозримом будущем, к сожалению, пока не предвидится. И, по-видимому, надолго. Поэтому данный комплекс следует рассматривать как эталонный памятник при изучении захоронений эпохи неолита-энеолита лесной зоны Европейской части России.

Библиографический список

1. Костылёва Е. Л. Результаты раскопок могильника на стоянке Сахтыш ПА в 1987—1993 годах // Ивановский государственный университет — региональный центр науки, культуры и образования : тез. докл. Иваново, 1994.
2. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Краткая характеристика антропологических типов эпохи первобытности на территории Ивановской области // Проблемы отечественной и зарубежной истории : тез. докл. Иваново, 1998.
3. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Археологическая периодизация Сахтышских краниологических серий эпохи нео-энеолита // Вторые антропологические чтения памяти академика В. П. Алексеева : тез. докл. М., 1999.
4. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовские погребения с янтарем могильника Сахтыш ПА // Тверской археологический сборник. Тверь, 2000. Вып. 4, т. 1.
5. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Погребальные комплексы эпохи первобытности на Сахтышском торфянике // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. «Гуманит. науки». 2008. Вып. 4.
6. Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Хронология погребального обряда волосовской культуры на территории Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1.
7. Крайнов Д. А. Уникальная маска из рога лося // Природа. 1984. № 8.
8. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Погребения и ритуальные комплексы на стоянке Сахтыш ПА // Археологические вести. СПб., 1993. № 2.
9. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Могильник и «святилище» на стоянке Сахтыш ПА // Рос. археология. 1994. № 2.
10. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш ПА // Там же. № 3.
11. Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В. Исследование стоянки и могильника Сахтыш ПА // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994.

¹⁰ Кроме радиоуглеродных дат по костям из могильника Сахтыш ПА, еще имеется всего лишь одна достоверная дата, датирующая погребение (трупорасчленение) № 18 на финальноволосовском могильнике Сахтыша II (4080 ± 60 л. н.; ГИН-5239). Прочие датировки костяков на других стоянках Волго-Очья не соответствуют хронологической шкале лесного нео-энеолита Волго-Окского междуречья: Сахтыш II (2000 ± 160 л. н.; ГИН-5237), Берендеево I (5540 ± 50 л. н.; ГИН-3886) и Шагара I (4870 ± 80 л. н.; ГИН-5451).

12. *Крайнов Д. А., Костылёва Е. Л., Уткин А. В.* Раскопки стоянки и могильника Сахтыш ПА // Археологические открытия 1993 года. М., 1994.
13. Неолит лесной полосы Восточной Европы : антропология Сахтышских стоянок / Т. И. Алексеева, Р. Я. Денисова, М. В. Козловская, Е. Л. Костылева, Д. А. Крайнов, Г. В. Лебединская, А. В. Уткин, В. Н. Федосова. М., 1997.
14. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин : объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры : тез. докл. Сергиев Посад, 1997.
15. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Погребальные «святилища» волосовских могильников // Святилища : археология ритуала и вопросы семантики : материалы конф. СПб., 2000.
16. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Волосовские погребальные «святилища» Сахтышских стоянок // Каменный век европейских равнин : объекты из органических материалов и структура поселений как отражение человеческой культуры : тез. докл. Сергиев Посад, 2001.
17. *Уткин А. В., Костылёва Е. Л.* Погребальные «святилища» эпохи энеолита в лесах Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь, 2002. Вып. 5.
18. *Энговатова А. В.* Хронология эпохи неолита Волго-Окского междуречья // Там же. Тверь, 1998. Вып. 3.
19. *Kostyleva E., Outkin A., Ramseyer D.* Fiche masque sur bois d'élan // Objets méconnus : industrie de l'os préhistorique. Paris, 2001. Cah. 9.

ББК 63.3(2)53

А. В. Степанов

УЕЗДНЫЕ ГОРОДА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Среди проблем социально-экономического развития России на рубеже XIX—XX столетий особое место принадлежит исследованиям процесса урбанизации. Как известно, на протяжении долгих веков Русь оставалась деревенской страной; даже к началу XX века почти 90 % наших предков проживало в населенных пунктах сельского типа и занималось преимущественно крестьянским трудом. В Западной Европе численность горожан и селян сравнялась между 1800 и 1850 гг., причем образ жизни населения европейской деревни неуклонно сближался с городским. В нашем же отечестве пропорция 50/50 была достигнута на сто лет позднее, около 1960 г., при том что уровень жизни в советской деревне резко отличался от городского и мало изменился с XIX века.

Между тем именно городам исторически принадлежит роль локомотива общественного прогресса. В любой стране они служат центрами экономической, политической и культурной жизни, очагами складывания гражданского общества, точками инновационного роста и «испытательными площадками» социальных экспериментов. В истории России роль городов была особенно велика. Лишь тем 15—20 млн россиян, кто на рубеже веков населял при-

© Степанов А. В., 2009

2009. Вып. 4. История •

мерно 900 тогдашних городов империи, хоть в некоторой степени удавалось преодолеть множество проблем, порожденных низкой плотностью населения (20—25 чел. на 1 км² даже в европейских губерниях): бытовую разобщенность людей, случайный характер торговых связей, низкий уровень общественного разделения труда, примитивное состояние служб охраны народного здоровья и правопорядка, оторванность человека от школы, церкви и прессы — важнейших институтов социализации личности.

В этой связи представляет научный интерес уровень развития *уездных* городов России, занимавших промежуточное положение между, с одной стороны, более крупными и богатыми губернскими столицами, а с другой — населенными пунктами негородского типа (фабричными и нефабричными селами и просто деревнями). Не представляется преувеличением утверждать, что городская Россия рубежа XIX—XX веков была именно уездной, а не губернской, тем более — не питерско-московской.

Статистика подтверждает этот тезис. Из 17,1 млн горожан, зафиксированных переписью населения 1897 г., в Петербурге и Москве проживали менее 2,5 млн чел. В семнадцати других городах, население которых превышало 100 тысяч, числилось еще около 3,5 млн чел. В том же году население восьмисот малых и средних городов, в каждом из которых имелось не более 50 тыс. жителей, превышало 7,5 млн чел. Разумеется, не все эти города были *уездными*; в те времена встречались даже губернские столицы с числом жителей порядка 20 тыс. (например, Архангельск — 21 тыс., Владимир — 18,3 тыс., а Петрозаводск — и вовсе 12,5 тыс.). Однако эти примеры относятся скорее к историческим курьезам; большинство губернских городов насчитывало тогда от 50 до 100 и более тысяч жителей.

Наше исследование ограничивается 32 уездными городами трех губерний: Владимирской, Костромской и Ярославской. Вероятно, относить их к некоему единому «Верхневолжскому» краю с особенным характером процесса урбанизации не вполне справедливо; за исключением территориальной близости для этого не больше оснований, чем для зачисления их в один регион с Тверской, Калужской и иными губерниями исторического центра страны. Однако несомненно, что статистика этих трех губерний достаточно представительно характеризует состояние городов в большинстве великорусских областей, по крайней мере — европейской части империи.

Источниковую базу исследования составили материалы, опубликованные на страницах двух изданий самого авторитетного в дореволюционной России энциклопедического словаря германо-русского издательства «Брокгауз — Ефрон» в Петербурге. Первое издание словаря в 42 томах выпускалось более десяти лет; проект был закончен только в 1905 г. Вскоре после этого фирма выпустила второе издание (1907—1909), переработанное и дополненное. Благодаря компактному формату (четыре тома) «Малый Брокгауз» оказался оперативнее «Большого», хотя и грешит лаконизмом.

Оба издания словаря содержат статьи о всех уездных городах изучаемого региона. Составители извлекли информацию о них из материалов всеобщей переписи населения 1897 г., а также из различных текущих изданий — как из документов государственных учреждений, так и из публикаций земских и муниципальных органов. В крайних случаях эти сведения дополнялись исследованиями краеведов. Полнота и достоверность словарной информации, вероятно, неоспоримы, однако ее погрешность вряд ли выходит за пределы, допустимые статистикой рубежа XIX—XX вв. Определенные

неудобства современному исследователю доставляет разве что некоторая разнотипность опубликованных в «Словаре» статей. В любом случае «Брокгауз — Ефрон» по сей день служит неоспоримым авторитетом по части российской жизни своего времени.

Рассмотрим прежде всего демографические показатели исследуемого региона.

В 1897 г. общее население трех губерний несколько превышало четыре миллиона жителей. Из них в городах *всех типов* насчитывалось 426 тыс. чел. Иными словами, уровень урбанизации изучаемого региона в целом (10,6 %) был ниже общеимперского (13,3 %). При этом показатель по губерниям различался ровно вдвое: от 13,5 % в Ярославской до 6,6 % в Костромской. К 1905—1907 гг. население трех губерний возросло до 4,6 млн чел., а число горожан приблизилось к 475 тыс.; впрочем, теперь их доля едва превышала 10 % населения края. Уровень урбанизации трех губерний к исходу первого десятилетия XX века даже *понижился*: в городах Ярославской губ. теперь проживало всего 12,7 % ее населения, а в городах Костромской — только 6,2 %.

Число *уездных* городов и их население (без учета губернских городов, которые одновременно служили столицами окрестных уездов) на рубеже веков отражены в таблице 1.

Таблица 1

Население уездных городов Верхневолжского региона (1888—1907)

Губерния	Число уездных городов	Население, тыс. чел.		Динамика населения, %
		1888—1897	1905—1907	
Владимирская	12	92,0	110,4	+20
Костромская	11	40,4	47,7	+18
Ярославская	9	77,1	77,7	+0,8

Таким образом, на исходе XIX века в 32 уездных городах трех губерний проживало более 209 тыс. чел., то есть в среднем по 6,5 тыс. жителей в каждом из городов. Лишь 4 уездных центра нашего края насчитывали более чем по 10 тыс. чел.: Шуя и Муром во Владимирской губ. (19,6 и 16 тыс. жителей соответственно), Рыбинск и Ростов в Ярославской (25 и 14 тыс. жителей). Примечательно, что в Костромской губ. городов-«десятитысячников» не имелось вовсе; зато здесь столицами уездов служили настоящие карлики: Варнавин (1200 жителей), Чухлома, Буй (оба с населением по 2200 чел.), Кологрив (2400).

К 1907 г. население уездных городов трех губерний выросло почти на 13 %, достигнув 236 тыс. чел. (заметим, что за период 1897—1906 гг. *общее население* этих губерний увеличилось на 12 %, то есть практически на ту же величину). При этом процесс урбанизации шел в крае весьма неравномерно, давая подчас парадоксальные результаты. Так, число ковровчан с неполных 5,4 тыс. в 1895 г. выросло аж до 16,4 тыс. в 1908 г.; число кинешемцев более чем удвоилось (с 4,4 до 9,5 тыс. чел.). Впрочем, чаще рост городского населения происходил более медленными темпами: шуян стало больше примерно на четверть, как и жителей костромского Галича. В то же время в 10 городах из 32 численность населения вообще не изменилась: именно так обстояли дела, например, в Александрове, Гороховце, Покрове, Солигаличе, Угличе,

Чухломе, Юрьеве-Польском, Юрьевце (Костромской губ.) Наконец, население девяти уездных столиц за 10—15 лет даже сократилось, причем подчас весьма ощутимо: жителей Мологи стало меньше на 40 %, жителей Нерехты — на 25 %, суздальцев убыло на 20 %, муромчан — на 11 %. Таким образом, из 32 изучаемых городов положительную динамику населения показали только 13, тогда как 19 других уездных столиц прошли рубеж веков с нулевым или отрицательным результатом.

Обращает на себя внимание тот факт, что рост числа жителей далеко не обязательно наблюдался в промышленных городах. Даже Ковров с его рекордными демографическими показателями еще не успел стать центром крупного производства: знаменитый пулеметный завод появится там лишь во время войны 1914—1918 гг. И если рост населения фабричных городов, подобных Вязникам, Кинешме, Переяславлю или Шуе, можно объяснить подъемом индустрии, то это вряд ли будет справедливо для Галича — города ста семи торговых лавок и четырех промышленных заведений. В то же время отметим, что три из четырех городов, чье население еще на исходе XIX столетия перевалило за отметку 10 тыс., продолжали расти и в новом веке, а список таких городов пополнили Ковров и Переяславль (11,9 тыс. чел. в 1907 г.).

Непросто объяснить *снижение* числа жителей в иных уездных столицах, например в Муроме. Здесь на исходе XIX века насчитывалось 26 промышленных заведений; кроме того, занятия муромчанам давало судоходство по Оке и сто гектаров городских огородов. Еще более парадоксально выглядит упадок Суздаля: его экономику поддерживали четыре монастыря, а жители долгие годы занимались столь беспроектным делом, как снабжение столичных рынков овощами.

Отметим также крайне вялый ход урбанизации в Ярославской губ. — далеко не отрезанной от экономических центров страны и не обделенной ресурсами. Прирост населения наблюдался здесь только в 4 городах из девяти, причем в двух из них он едва ли превосходил пределы статистической погрешности. Три другие уездные столицы показали существенную *убыль* населения, как правило и без того незначительного: Любим (с 3,5 до 2,9 тыс.), Молога (с 7 до 4,3 тыс.) и Мышкин (с 2,9 до 2,2 тыс.); еще два городка — Пошехонье и Углич — понесли пусть и символические потери (по 150—250 чел.). Впрочем, и сама столица губернии за десятилетие выросла всего на 300 жителей. С другой стороны, в 72-тысячном Ярославле в 1907 г. проживало почти столько же населения, сколько во всех девяти уездных городах губернии, вместе взятых.

Изучение процессов урбанизации неизбежно включает вопрос об *источниках пополнения* городского населения. Если население города растет естественным путем (за счет превышения в семьях горожан рождаемости над смертностью) или если оно пополняется жителями других городов, тогда в этом населенном пункте складывается устойчивый городской быт, нарастает «урбанистический культурный слой». Иное дело, если в ряды горожан постоянно вливаются выходцы из деревни, принося чуждые городу бытовые навыки и поведенческие установки. Тогда формирование урбанистической среды затягивается надолго, а город приобретает не свойственные ему сельские черты. Прямые сведения о том, кто пополнял число жителей уездных городов, найти непросто, однако в нашем распоряжении имеются полезные косвенные данные — статистика сословного состава горожан. Как известно,

сословная принадлежность человека в дореволюционной России учитывалась государственными и общественными учреждениями, причем весьма точно.

Автор предполагает, что из всех сословий, проживавших в городе, его потомственными обитателями прежде всего надо считать мещан, поскольку в это сословие горожане вступали, как правило, сознательно, предварительно уволившись из иных податных сословий. Кроме того, мещанское звание приобреталось по наследству и при вступлении в брак. Соответственно, наличие в городе значительной прослойки мещан свидетельствует о существовании в нем крепкого ядра потомственных горожан или по крайней мере лиц, прочно привязанных к этому городу. Рост населения таких городов (если он вообще наблюдался) происходил главным образом за счет естественных причин или приезда в него уроженцев других городов.

К числу коренных, потомственных горожан скорее всего принадлежало также большинство почетных граждан и (в меньшей мере) купцов. Последнее, «выбирая», то есть приобретая у казны за 40—120 руб., годовое гильдейское свидетельство, получали вместе с ним право заниматься преимущественно городскими видами предпринимательской деятельности — торговлей или производством. В любом случае гильдейский купец уже не вернулся бы на постоянное жительство в деревню; он разве что переселился бы из одного города в другой. Можно предполагать, что существование в городе заметного числа купцов и почетных граждан также свидетельствует о наличии устойчивого ядра его населения.

Жившие в городах дворяне и лица духовного звания в равной мере могли быть как местными уроженцами, так и приезжими. Правила их службы — что казенной (военной или штатской), что духовной — предусматривали возможность перевода офицера, чиновника или священника из города в город. Однако и лица этих сословий по своему происхождению и воспитанию были в основном горожанами, так что их приезд вряд ли замедлял складывание специфически городской бытовой и поведенческой культуры.

Иное дело жившие в городе крестьяне. Они скорее всего были горожанами в первом поколении. Не имея возможности или желания записаться в городские сословия (мещанское или купеческое), они резервировали за собою право вернуться в деревню, что неоднократно и делали. По мнению автора, наличие в городе значительной прослойки крестьян свидетельствует, с одной стороны, о быстром росте этого населенного пункта — настолько быстром, что вновь приехавшие сюда выходцы из деревень не успевают интегрироваться в его социальную структуру, а с другой — о возможных задержках процесса складывания здесь специфичной городской среды. Сословный состав населения отдельных уездных столиц отражен в таблице 2.

Приведенные в ней цифры позволяют сделать ряд наблюдений. Прежде всего обращает на себя внимание малочисленность дворянства среди населения провинциальных городков. «Первое сословие» составляло всего 1—2 % их жителей, лишь чуть больше, чем по России в целом (по переписи 1897 г. дворян в стране было 1,5 %). Для сравнения: среди петербуржцев в 1900 г. дворян было 8,9 %, а среди москвичей — 5 %. Очевидно, что наличие в уездном городе небольшого числа казенных учреждений не делало состав его жителей заметно более аристократичным. Доля лиц духовного звания среди жителей уездных столиц существенно (в 2—3 раза) выше, чем в целом по империи, где она не превышала 0,5 %; здесь сказывалась роль уездных городов как церковных центров, а то и мест расположения монастырей. Впрочем,

даже наличие в провинциальном городке тонкой прослойки духовенства вряд ли могло значительно повлиять на его идейную атмосферу. С другой стороны, доля духовенства среди, например, петербуржцев была еще ниже (0,5 % в 1900 г.) и неуклонно уменьшалась.

Таблица 2

Сословный состав жителей некоторых городов верхней Волги (1894—1897)

Город	Число жителей, тыс.	Из них, %				
		дворяне	лица духовного звания	купцы, почетные граждане	мещане	крестьяне
Кинешма	4,4	4,2	1,8	нет данных	48	42,5
Ковров	5,4	1,2	0,5	нет данных	68	24
Кологрив	2,5	2,8	нет данных	13,8	72	10
Любим	3,5	1,5	1,4	3,0	80	11
Макарьев	6,3	0,6	0,9	4,0	89	5
Мышкин	2,9	1,7	1,0	12,7	62	22
Муром	15,7	1,5	1,7	13,5	60	20
Нерехта	4,0	1,0	1,0	4,6	63	21
Суздаль	8,0	4,0	6,0	7,0	66	17
Шуя	19,6	1,3	1,5	3,2	33	57

Бросается также в глаза малочисленность городского купечества и близкого к нему сословия почетных граждан. Доля двух наиболее буржуазных слоев «градского общества» в сумме обычно не превышала 5 %, лишь изредка поднимаясь выше 10 %-ной отметки. Это же наблюдается и в тех городах Ярославской губ., о сословном составе жителей которых полных сведений не найдено. Так, в 1895 г. в 25-тысячном Рыбинске было выбрано 287 гильдейских свидетельств; следовательно, к купцам принадлежали тогда 1,2 % горожан. В том же году в Ростове Великом купцами пожелали стать 144 чел., или ровно 1,0 % жителей. Заметим, что в обоих примерах фигурируют крупные по меркам своего времени населенные пункты с разнообразной хозяйственной жизнью, преимущественно — торговой. Еще ниже в «рейтинге буржуазности» изучаемого региона оказалась Молога: в 1895 г. купцами были менее одного процента ее жителей. В пример им можно поставить население едва ли не еще более захолустного (хотя и служившего столицей уезда) г. Пошехони: там в 1895 г. в купечестве числилось 3,6 % обитателей. Доля купцов в составе населения большинства уездных городов существенно уступала показателям столиц: на рубеже веков к купечеству принадлежали 4,8 % петербуржцев (1900 г.) и 5 % москвичей (1902 г.).

Наибольший интерес, однако, представляют два самых массовых слоя городского населения — мещане и крестьяне. Можно предполагать, что именно их соотношение определяло облик города — либо «по-мещански» уютный, либо по-деревенски неблагоустроенный. Здесь своей значительной мещанской прослойкой сразу выделяются Ковров, Макарьев, Муром, Нерехта; доля крестьян среди их жителей не превышает 25 %. Несколько иначе обстояли дела в Кинешме, где крестьян и мещан было почти поровну. Наконец, в Шуе крестьяне решительно преобладают над коренным мещанским населением.

Заметим, что сословный состав населения городов и, в частности, доля в нем коренного и пришлого элементов никак не связаны с изменением числа жителей. Среди «цитаделей провинциального мещанства» находятся как быстро растущие города (Ковров, Макарьев), так и убывающие (Муром, Мышкин, Нерехта). Население «полумещанской» Кинешмы за десять лет удвоилось, тогда как в Шуе оно возросло лишь на четверть, хотя преобладание в городе крестьян как будто свидетельствовало о наличии там неких условий, привлекавших выходцев из деревни.

Ход урбанизации отражается, естественно, не только в росте городского населения и изменении его состава, но и в роде занятий жителей. Вероятно, например, что если значительная их часть ведет крестьянское по сути хозяйство — возделывает сады и огороды, разводит скот или птицу, то считать такое поселение городом будет не более чем данью формальности. Напротив, признаками городской жизни уже на рубеже XIX—XX веков следует считать труд на фабриках, в ремесленных заведениях или в сфере обслуживания (в том числе в торговле), а также службу в государственных, муниципальных и коммерческих учреждениях или оказание интеллектуальных услуг (включая медицинские, образовательные и религиозные). Рассмотрим доступные нам сведения о занятости жителей некоторых городов изучаемого региона.

Владимирская губерния традиционно считается наиболее развитой индустриально. Так, в 1903 г. валовой объем произведенной здесь промышленной продукции оценивался в 200 млн руб. (в несколько раз больше аналогичных показателей Костромской или Ярославской губ.) Тем более полезным будет рассмотреть занятия жителей ее уездных столиц.

Например, в Вязниках на исходе XIX века насчитывалось около 3 тыс. фабричных рабочих, выпускавших в год продукции на 1,5 млн руб. Иными словами, условный вязниковский рабочий трудился в 2,5 раза менее производительно, чем средний губернский (на 500 руб. в год против 1250 руб.) и даже хуже своих соседей по уезду (более 700 руб. продукции в год на одного рабочего). Вряд ли потому случайно, что даже этот промышленный городок владел более чем 600 га земли (при 5,2 тыс. постоянных жителей), а 15-сантиметровые вязниковские огурцы удостоились отдельной статьи в энциклопедическом словаре.

Другой владимирский уездный центр — Ковров — на рубеже веков мог похвастаться лишь одним современным предприятием — бумаготкацкой фабрикой, где 1700 рабочих производили в год продукции на 2,3 млн руб. (1350 руб. выработки на 1 чел.). Текстильные предприятия давали работу также жителям Меленков и Переяславля, не говоря уже о Шуе (которой, впрочем, принадлежало 1200 га земли). Немало промышленных предприятий насчитывалось и в Муроме; однако здешние жители не отказывались и от занятий садами и огородами: их площадь превышала сотню гектаров.

А вот еще в одном уездном городке — Покрове — капустно-огуречные промыслы явно превосходили по важности местную индустрию, «обороты» которой едва перевалили за 15 тыс. руб. в год. Не подняла промышленность и другой городок Владимирщины — Судогду: несмотря на наличие здесь бутылочного завода и льнопрядильной фабрики (около 1 тыс. рабочих, каждый из которых выпускал продукции на 800 руб. в год), она заслужила от авторов «Словаря» редкую по пессимизму оценку: «Судогда — город бедный, имеющий преимущественно административное значение». Следов про-

мышленности не отмечено также в Александрове, Гороховце, Суздале. В последнем из этих городов жители занимались выращиванием яблок и вишни, а также разводили лук и хрен.

Таким образом, из дюжины уездных центров Владимирской губ. на исходе XIX века лишь в четырех население было занято по преимуществу работой на современных фабриках. Еще в трех-четыре городах на фабриках трудилась хотя бы часть жителей (при том, что немало их земляков возделывали огороды). Заметим, что производительность труда рабочих в таких городах нередко уступала средним показателям региона, и подчас весьма существенно. Жители по крайней мере трети уездных столиц Владимирского края работали почти исключительно на земле или на крошечных кустарных предприятиях, которые считались «заводами» только благодаря оптимизму налоговых чиновников.

Если так выглядела картина занятости жителей в уездных городах *промышленной* губернии, то от ее соседей трудно ожидать лучших результатов. Обратимся для примера к городам Костромской губ.

Здесь едва ли не самым индустриально развитым населенным пунктом оказывается Кинешма. Уже к концу XIX века там работали две относительно крупные текстильные фабрики с суммарным объемом производства свыше 1,5 млн руб. Однако даже в этом удобно расположенном городе с давними ремесленными традициями вся прочая промышленность была представлена девятью карликовыми «заводами», выпускавшими товара на 10—30 тыс. руб. в год. Два промышленных объекта насчитывались также в Юрьевце. Еще один уездный городок, затронутый первой волной индустриализации, — Нерехта — располагал одной льнопрядильней, занимавшей менее тысячи рабочих.

Восемь прочих уездных центров Костромского края к началу XX века так и не вступили в промышленный период своей истории. Их жители держали сады и огороды, благо земли для этого хватало: Ветлуге, например, с населением 4350 чел. принадлежало полторы тысячи гектаров.

Сходная картина наблюдается и в Ярославской губ. Пять из девяти здешних уездных городов на рубеже столетий не достигли численности даже в 5 тыс. чел. Это исключало размещение в них крупных объектов индустрии, которые в силу низкой производительности труда требовали множества рабочих рук. Типичным для этой группы населенных пунктов можно считать лежавший в 65 км от Ярославля уездный город Данилов с населением около 4 тыс. жителей. Во всех 12 его «промышленных заведений» трудились 43 работника (производя продукции по 300 руб. на 1 чел. в год), тогда как 30 их земляков официально значились огородниками и садоводами.

Если порог численности в 5 тыс. жителей действительно считать минимальным для начала промышленного развития населенного пункта, то город Романов-Борисоглебск служит тому доказательством. В нем на исходе XIX века проживало 6,5 тыс. чел., для которых только под выгонами имелось свыше тысячи гектаров земли. Немалая часть горожан все еще жила тем, что выращивала на продажу капусту и свой «фирменный» романовский лук. Однако к 1900 г. здесь уже действовали 13 промышленных заведений, причем две местные текстильные фабрики выпускали продукции на 850 тыс. руб. в год; один рабочий города Романова производил за год товара на 765 руб.

Еще дальше продвинулся Ростов Великий. Экономический потенциал уездной столицы с населением свыше 14 тыс. жителей, удобно расположен-

ной на железнодорожной магистрали, давал возможность развиваться по городской модели. К началу XX века здесь числилось свыше 20 предприятий, занимавших около тысячи рабочих; каждый из них в среднем выпускал продукции на 870 руб. в год. Кроме того, ростовчане занимались ремеслом (в том числе изготовлением изделий из финифти) и торговлей. На торговле вырос в свое время и Рыбинск — самый крупный (по числу жителей) уездный город всего региона. На исходе XIX века здесь имелось свыше 30 фабрик и заводов. Правда, среднее число рабочих на каждом из них не превышало 11 чел., зато выход продукции на 1 работника в год приближался к 2 тыс. руб. (средний показатель по Ярославской губ. за 1899 г. — 1275 руб./чел.).

Анализ доступной информации о роде занятий населения 32 уездных городов позволяет сделать вывод, что значительная его часть на рубеже XIX—XX веков находила работу не в типично городских сферах приложения труда, а в огородничестве и садоводстве, мало отличаясь от обитателей соседних сел и деревень. Крупная фабрично-заводская промышленность тяготела к значительным населенным пунктам, и если не находила трудовых ресурсов в уездных городках, то предпочитала развиваться в фабричных селах, нередко создавая их почти «с нуля». Сам по себе статус уездной столицы еще не привлекал в нее капиталы, что в условиях индустриализации обрекало многие малые города на застой и упадок.

Род занятий населения уездных городов неизбежно налагал свой отпечаток на тип жилища их обитателей, а стало быть, и на всю городскую среду. Людям, которые живут тем, что возделывают сады и огороды, держат скотину или делают надомную работу, необходима городская усадьба — просторный двор, прилегающий к их дому, двор, где можно разместить хозяйственные постройки, высадить плодовые деревья, разбить грядки. При подобном усадебном проживании территория города неизбежно разрастается, так что его властям, например, становится очень трудно замостить чрезмерно протяженные улицы, освещать их и поддерживать в чистоте. Территория г. Ростова (с населением 14,3 тыс. чел.) достигала в окружности 10 верст. Из 80 улиц Шуи была замощена «приблизительно половина»; из 38 улиц и 6 площадей Рыбинска — 26 и 3 соответственно. О г. Мышкине «Словарь» оптимистично сообщает, что хотя его улицы и площади «большой частью не мощены, но, благодаря значительному уклону местности, большой грязи не бывает».

В условиях отечественного климата преобладающим типом жилой постройки на городских усадьбах оставался одноэтажный бревенчатый дом с печным отоплением, по сути мало отличавшийся от добротных образцов крестьянских изб. Продвижение типичного для Европы строительного материала — кирпича — шло медленно, что придавало русскому городу патриархальный облик. Рассмотрим состав зданий по типу строительного материала в восьми уездных городах Ярославской губ. в конце 1890-х гг. (табл. 3).

Таблица дает в целом вполне объяснимый результат. В городках с населением до 10 тыс. жителей доля кирпичных зданий в застройке не превышает 15 %, иногда опускаясь до курьезно низкого уровня (Любим). В более крупных населенных пунктах доля зданий из долговечных и негораемых строительных материалов достигает четверти всех сооружений. Следует, однако, учесть, что статистика конца XIX века, как правило, подсчитывала *все* городские постройки, не выделяя специально жилые дома. В частности, в зачет шли постройки производственного, складского и общественного назначения (церкви, школы, больницы), которые возводились обычно в кирпиче.

За их вычетом уездный город Верхневолжья станет в своей *жилой* части еще более деревянным и еще менее городским.

Таблица 3

Состав застройки некоторых уездных городов Ярославской губернии

Город	Всего зданий	В том числе	
		кирпичных	деревянных
Данилов	675	55 (8 %)	620
Любим	429	12 (2,8 %)	417
Молога	900	100 (11 %)	800
Пошехонь	627	82 (13 %)	545
Романов-Борисоглебск	837	123 (14,7 %)	714
Ростов Великий	2500	1200 (48 %)	1300
Рыбинск	3093	852 (27,5 %)	2241
Углич	1386	348 (25,1 %)	1038

О степени урбанизации любого населенного пункта, тем более в XIX и XX веках, свидетельствует наличие в нем базового набора социальных учреждений. Их перечень может быть предметом спора, однако не представляется неисторичным предполагать, что уже в те времена он должен был включать школы, больницы, церкви. Кроме того, в городах могли размещаться богадельни и иные учреждения социального вспомоществования, а также культуры. Сведения о таких объектах имеются для большинства уездных столиц изучаемого региона. Представлять их в табличной форме для каждого города было бы слишком громоздко, поэтому ограничимся подсчетом числа социальных учреждений по губерниям (табл. 4).

Таблица 4

Наличие социальных учреждений в уездных городах верхней Волги

Губерния	Школы*	Больницы**	Церкви	Богадельни, приюты	Библиотеки
Владимирская	59	16	118	10	4
Костромская	38	11	77	3	2
Ярославская	57	20	87	19	3

* Начальные и средние учебные заведения любой принадлежности.

** В том числе больницы и пункты неотложной помощи при фабриках и тюрьмах.

Даже эти, не слишком детализированные, сведения представляют существенный интерес. Обращает на себя внимание число церквей: примерно по десять храмов на каждый город во Владимирской и Ярославской губ., по семь в Костромской. Несомненно, что в жизни населения уездной столицы церковь имела возможность играть существенно большую роль, чем в сельской местности. Заметим, что помимо приходских и домовых церквей многие города или их окрестности служили местом расположения монастырей, подчас сразу нескольких. В то же время не следует забывать, что немалая часть храмов была построена в уездных городах задолго до изучаемого периода, нередко — в XVIII и даже в XVII веке.

Однако жители уездных столиц не были обделены и светскими учреждениями культуры. Например, в условном среднем городе имелось 4—5 учебных заведений разного уровня. Конечно, среди них преобладали начальные школы — земские, церковно-приходские, фабричные. Однако в уездных центрах не были редкостью и более продвинутые учреждения образования: прогимназии, гимназии (в том числе женские), четырехклассные городские училища. Немало встречалось здесь ремесленных школ самой разной направленности. Многие из них содержались в складчину земствами, городскими управами, благотворительными организациями и частными филантропами. Иные школы были обязаны своим появлением энтузиазму отдельных поборников просвещения. Так, уроженец Костромской земли предприниматель и педагог Ф. В. Чижов (1811—1877) завещал 6 млн руб. на устройство профессионально-технических школ в своей губернии.

Знаком приобщения жителей уездных столиц к городской культуре стали и заведенные в некоторых из них общественные библиотеки. В ряде случаев их фонды составляли несколько тысяч томов, а счет «подписчикам» шел на десятки. Например, в Мышкине при населении менее 3 тыс. чел. библиотеку посещало 2 % жителей. Библиотеки свидетельствовали о возникновении интереса к современной светской книге и прессе со стороны хотя бы части жителей этих подчас совершенно захолустных населенных пунктов.

Об ином свидетельствовали имевшиеся почти в каждом городе богадельни и иные учреждения социальной помощи (странноприимные дома, дома призрения, сиротские приюты). Платой за приобщение этих населенных пунктов к благам городской цивилизации было появление там нуждающихся и просто нищих людей, зачастую одиноких, не имевших возможности рассчитывать на поддержку родных и близких. Попечение о них ложилось на плечи городских властей и частных благотворителей. Так, в четырех богадельнях Ростова призревалося 157 человек — свыше 1 % населения города. Крестьянские семьи сталкивались с такой бедою несравненно реже.

Обращает на себя внимание довольно развитая в уездных городках сеть медицинских учреждений. Помимо больниц, она могла включать «приемные покои» (пункты неотложной помощи), амбулатории, аптеки, лазареты. Часть этих учреждений (как правило — лучшая) содержалась земствами; иногда больницы имелись на фабриках или станциях железной дороги, иногда состояли при тюрьмах. В любом случае квалифицированная медицинская помощь была для горожан несравненно более доступной, чем для жителей деревень.

Таким образом, уездные города трех губерний, мало отличаясь от окрестных сел по типу застройки, а зачастую и по роду занятий своих обитателей, располагали несравненно более современной системой учреждений просвещения, здравоохранения и социальной помощи. Признаками специфически городской жизни в них служили, например, школы и больницы, средства на которые земские управы полностью или частично собирали со всего населения уезда. В отличие от храмов, эти элементы урбанистического обустройства появились в городах сравнительно недавно — в последней трети XIX века. Они носили несколько искусственный характер, так как далеко не всегда опирались на сугубо городские источники финансирования, а требовали привлечения дополнительных внешних средств — земских или казенных.

Вопрос о средствах возник здесь не случайно. Степень зрелости города определяется наличием у него финансовых ресурсов для содержания муни-

ципального хозяйства. Урбанизация тогда может считаться успешной, когда в ее результате возникают жизнеспособные, самодостаточные поселения. Рассмотрим в этой связи данные о бюджетах 21 уездной столицы.

Таблица 5

Годовые бюджеты уездных городов верхнего Поволжья (1891—1901)

Город	Доходы, тыс. руб.	Расходы, тыс. руб.	Расходы на 1 жителя, руб.
Галич	22,6	21,5	4,3
Данилов	21,3	22,6	6,3
Ковров	65,8	37,5	7,0
Любим	15,4	16,3	4,7
Макарьев	20,2	19,2	3,0
Меленки	24,1	24,0	3,5
Молога	45,8	44,3	6,3
Муром	59,5	58,5	3,7
Нерехта	23,0	20,5	5,1
Переяславль	26,7	32,7	3,7
Покров	19,5	16,9	5,8
Пошехонье	44,9	38,1	9,5
Романов	27,6	24,6	3,8
Ростов	83,6	82,9	5,8
Рыбинск	216,5	222,8	8,8
Солигалич	10,3	10,1	3,0
Углич	40,0	41,9	4,1
Чухлома	12,0	11,5	5,2
Шуя	107,0	121,6	6,2
Юрьевец	170,0	169,9	35,4
Юрьев-Польский	25,0	22,2	3,8

Автор затрудняется объяснить причины столь сказочного богатства города Юрьевца (если только они не стали следствием ошибки публикации). Возможно, заслуга в этом принадлежит двум промышленным гигантам маленького города — льнопрядильной фабрике и винокуренному заводу с суммарным объемом производства около 800 тыс. руб. в год и с числом занятых чуть менее 1 тыс. чел. Однако за исключением этого явно выбивающегося из общего порядка примера остальные городские бюджеты укладываются в расходной части в узкий интервал: от 3 до 7 руб. в год на одного горожанина. Примерно на такую скромную сумму городские управы и предоставляли согражданам свои муниципальные услуги: охрану общественного порядка, содержание пожарной команды, просвещение, здравоохранение, социальное обеспечение.

Таблица 5 дает возможность сделать еще одно наблюдение. 6 городов из 21 сводили свои сметы с дефицитом — от ничтожного, не выходящего за пределы 5 % доходной части бюджета, до ощутимого, как в Переяславле-Залесском, чьи расходы превысили доход почти на четверть. По случайному скорее всего совпадению число городов, где *профицит* бюджетов превысил

5 % от величины доходов, также равно шести. Заметим, что численность населения города своеобразно влияла на состояние его финансов: если среди должников встречаются и малые, и крупные уездные центры, то «бюджетными отличниками» были только небольшие города. Так, с дефицитом сводили сметы как многолюдные Рыбинск и Шуя, так и Переяславль, уступавший им по населению в 2—3 раза. Вероятно, бюджетные затруднения более крупных населенных пунктов вызваны значительными расходами властей города на содержание объектов социальной сферы и коммунального хозяйства.

Подводя итог исследованию процесса урбанизации в уездных столицах Владимирской, Костромской и Ярославской губерний на рубеже XIX—XX веков, можно сделать следующие выводы. Рост этих городов происходил не быстрее, чем рост населения края в целом. Города сохраняли мещанский состав обитателей; доля предпринимательского сословия среди них обычно не превышала 5 %. Экономическое развитие страны, и в частности ее бурная индустриализация, мало затронули уездные столицы. Лишь в немногих случаях их жители (или мигранты из деревень) находили там работу на современных промышленных предприятиях. Гораздо чаще горожане занимались возделыванием огородов и садов или традиционными домашними промыслами (например, шитьем полушубков в Шуге). Застройка уездных городов оставалась почти исключительно деревянной, их улицы далеко не всюду были вымощены даже булыжником; это придавало городу осязаемое сходство с обликом окрестных сел. В то же время каждый уездный город отличался от села наличием разнообразных социальных учреждений — как традиционных (храмы, монастыри), так и вызванных к жизни новым временем (училища, больницы, приюты). При этом расходные ресурсы собственно муниципальной казны ограничивались 3—7 руб. на каждого горожанина, так что реализация социальных программ требовала привлечения средств земства и государства.

ББК 63.3(2)53-22

Ю. А. Ильин

**ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ
НА РУБЕЖЕ XIX—XX вв.:
К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ
г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА**

Достижениями постсоветской отечественной историографии является не только плюрализм версий, суждений по избранным исследователями темам, проблемам, но и расширение спектра этих тем, проблем. В первую очередь это касается аспектов повседневной жизни соотечественников на поворотных этапах истории России. Второе дыхание региональная историография получила благодаря интенсивной разработке именно этого перспективного направления научных изысканий.

© Ильин Ю. А., 2009

2009. Вып. 4. История •

Поводом для написания статьи является незаурядное событие в краеведческой жизни нашего региона — появление книги В. С. Околотина и А. С. Сироткина «Электроэнергетика в экономической истории Ивановской области (1890-е — 2008 г.)» (Иваново, 2008. 559 с.). Ее авторам удалось ввести эту сторону повседневности населения и хозяйства в русло экономической истории края. Работа вышла вовремя: близится празднование 100-летия функционирования региональной энергосистемы (декабрь 2010 г.).

Еще одним достоинством книги является широкая источниковая база, профессиональное ее использование (особенно технико-информационной составляющей) благодаря активному сотрудничеству с учеными ИвГЭУ, в частности кафедры электрических станций, подстанций и диагностики оборудования.

Несомненно, эта публикация украсит региональную историографию начала XXI в. Но есть моменты, которые позволяют говорить об эскизности, фрагментарности авторов в подходе к истории ивановской городской энергосистемы. Напрямую это касается ранних этапов ее становления. А ведь именно эти этапы заложили ядро, основу для рождения и последующего развертывания масштабной энергосистемы Ивановской области.

Период с 1890 по 1909 г. освещен чрезвычайно скупое, можно сказать фрагментарно в разделах «Фабрично-заводская электроэнергетика» и «Становление городского электрического хозяйства» вышеуказанной книги. На наш взгляд, данный период очень интересен, ибо насыщен информацией, задающей своеобразную логику развития электрификации края, по крайней мере до Октябрьской революции и гражданской войны включительно.

Второй момент — в этих разделах книги методологически неправильно расставлены акценты при анализе фактического материала. Об этом свидетельствуют не только чрезмерная разница в их объеме (соответственно 2 и 32 страницы), отсутствие вывода по фабрично-заводской энергетике, но и логика подачи материала (не показывается прямая преемственность этих явлений в едином процессе становления электрификации города).

Далее, существенным недостатком является поверхностный по содержанию и лакировочный по анализу подход к рассмотрению взаимоотношений общественности (в лице представителей общественного управления) и предпринимательской элиты в процессе решения вопроса об устройстве электрического освещения и тяги в г. Иваново-Вознесенске в эти годы.

Одним словом, все это побудило обратиться к данной теме и периоду с целью полного и достоверного описания этой страницы истории нашего края. Источниковой основой исследования являются документы, ранее использованные и введенные в научный оборот вышеуказанными авторами. Помимо этого, пришлось расширить спектр поиска и дополнительно изучить новый массив хранящейся в фондах Государственного архива Ивановской области документации, ранее неизвестной исследователям.

Из многих социально-экономических достижений России рубежа XIX—XX вв. особое место занимает феномен оформления и стремительного индустриального развития Иваново-Вознесенского промышленного района. Речь идет о Иваново-Вознесенске и прилегающих к нему пригородах. Официальные власти констатировали это явление на основе соответствующей статистики, а именно по численности населения: 1880-е гг. — 33 тыс. жителей, 1897 г. — 54 тыс., 1910 г. — более 100 тыс.; по количеству промышленных заведений: 1880-е гг. — 51, 1900 г. — 59, 1910 г. — 64; по числу рабочих:

1880-е гг. — 11 тыс. человек, 1900 г. — 27 тыс., 1910 г. — 32 тыс.; по производству продукции: 1880 г. — 18,5 млн руб., 1900 г. — 60 млн руб., 1910 г. — 77 млн руб. [Балдин К. Е., Ильин Ю. А. Ивановский край в истории Отечества. 2-е изд., доп. Иваново, 1998. С. 29, 41].

В этот период город стремительно рос территориально: по данным на 1907 г., его площадь составляла 735 десятин (801 га). Но его фактическая территория была значительно больше, ибо статистика тогда не учитывала обширных фабрично-заводских пригородов, где проживала основная часть работников заводов, фабрик и мастерских.

В городе сложились могущественные кланы предпринимателей и купцов (Гандурины, Бурылины, Зубковы, Маракушевы, Фокины, Витовы, Дербенева, Гарелины, Полушины и т. д.), поставившие под свой негласный контроль органы местного самоуправления. Заметим, что их индустриальный и финансовый потенциал, связи с местными и центральными властями далеко превосходили аналоги собратьев по бизнесу уездного города Шуи и даже губернского центра — г. Владимира. Завершившийся в Иваново-Вознесенске промышленный переворот не только дал местной предпринимательской элите доступ к стремительному обогащению, но и открыл горизонты для осуществления технической революции на своих предприятиях. А это обстоятельство напрямую влияло и на жизнь самого города, ибо Иваново-Вознесенск, по сути, был сосредоточием многочисленных промышленных заведений («Русский Манчестер» или, как его называли сами горожане, «черный город»).

Внешним побудителем активности общественных деятелей и предпринимателей к введению технических и технологических новаций были и рекомендации поощрительного характера со стороны губернских и центральных властей. Об этом свидетельствуют еще документы 1870—1980-х гг., то есть периода завершения промышленного переворота в текстильной отрасли края. Так, из МВД на адрес владимирского губернатора пришел циркуляр, датированный 20 ноября 1872 г. В нем сообщалось, что хозяйственный департамент министерства 28 сентября 1872 г. предоставил право учредителям товарищества «Сириус» П. Шамшову и Н. Фурман на установку перед Зимним дворцом в С.-Петербурге нескольких газовых фонарей конструкции техника Ведрина, для которых в качестве топлива использовались отработки нефти. Подчеркивалось, что новый способ освещения заинтересовал императора, им были даны соответствующие распоряжения для скорейшей реализации данной технологии¹. Но самое интересное в этой истории то, что предпринимательская элита Иваново-Вознесенска еще раньше узнала о новом способе освещения и уже предприняла первые шаги к его внедрению на своих производствах. Так, 17 августа 1872 г. почетный гражданин города Полушин Николай Маркелович подал прошение в городскую управу, в котором содержалась просьба разрешить ему освещать фабрику газом, добываемым из остатков петролеума. Особо указывалось им, что здание для этого технологического процесса уже построено на территории предприятия. 22 августа управа поручает одному из своих членов — Н. Д. Васильеву — и приглашенному им технику А. Я. Зимину осмотреть данную постройку. Итоги технической экспертизы легли в основу позитивного решения городской управы 12 сентября

¹ Государственный архив Ивановской области. Ф. 2. Оп. 1. Д. 88. Л. 1. Далее ссылки на документы данного архива приводятся в тексте статьи с указанием в квадратных скобках номера фонда, описи, дела, листа.

1872 г. об эксплуатации нового оборудования (газовая палильная) [там же, д. 20, л. 1, 4, 9].

Позднее, уже в начале 1880-х гг., на газовое освещение стали переходить и другие фабрики города, об этом свидетельствует ведомость миткалево-ткацкой фабрики Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры за 1885 г. [там же, д. 67, л. 47]. Рекомендации Центра не прошли мимо внимания деятелей местного общественного управления. Некоторые из них поставили вопрос о возможности использования данной новации для освещения улиц и общественных зданий города. На заседании 22 декабря 1872 г. городская дума обсуждала эту проблему в плоскости газоосвещения общественных зданий. По итогам прений было принято следующее решение: «...в городе недостаточно общественных зданий, поэтому газовое освещение невыгодно для общества, в связи с этим признать его ненужным» [там же, д. 88, л. 3]. По-видимому, на решение общественных деятелей повлиял пример ограниченного использования газового освещения на фабриках и отсутствие свободных денег в городском бюджете.

Газовое освещение на предприятиях Иваново-Вознесенска было, по сути, не технической революцией в деле электрификации, а лишь ее предвестником. Началась она на рубеже 1880—1990-х гг. Именно на этом временном перекрестке одновременно слились два процесса — рекомендательная и координирующая деятельность Центра (в лице МВД) и предпринимательское стремление, подкрепленное финансовыми возможностями фабрик и заводов города, к снижению себестоимости продукции за счет ее топливной составляющей, а значит, к повышению прибыли. Из циркуляра министра внутренних дел по хозяйственному департаменту за № 2599/3035 от 27 апреля 1890 г. узнаем, что еще в 1885 г. по главному управлению почт и телеграфов были введены временные правила для руководства при разрешении на местах производства работ по устройству «канализации электрического тока большой силы и прочих приспособлений по электрическому освещению». Предлагаемый вновь циркуляр министра устанавливал жесткий временный порядок разрешения дел по данному вопросу: проекты заказчиков, независимо от контроля со стороны общественных и технических учреждений, должны были направляться на рассмотрение в МВД. На местах за техническое выполнение проектов большая ответственность возлагалась на электротехников почтово-телеграфного управления и полицмейстеров [ф. 4, оп. 1, д. 206, л. 1].

В связи с вышеуказанным циркуляром министра внутренних дел губернский инженер строительного отделения Владимирского губернского правления Карабутов направил иваново-вознесенскому полицмейстеру запрос об имевшемся электрооборудовании на фабриках и заводах, у частных абонентов для последующей отправки полученной информации в МВД [там же, л. 1 об.]. Интересен ответ полицмейстера (от 10 июня 1890 г.). Он писал, что при местной почтово-телеграфной конторе нет в штате электротехников и просил прислать в г. Иваново-Вознесенск специалистов для сбора требуемых сведений. Тут же давалась информация о том, что электрическое освещение устроено на фабриках Товарищества ткацкой мануфактуры и купца Гречина Якова Викторовича (в дополнении к запросу от 17 сентября 1890 г. полицмейстер добавлял к этому списку и отбельную фабрику Товарищества Куваевской мануфактуры) [там же, л. 2—4].

Весьма ценным является содержание переписки между владимирским губернатором и иваново-вознесенским полицмейстером за 1891 г. В ней на-

ходим подробные сведения об электрической фабрично-заводской сети, ставшей, по сути, зародышем первоначальной городской электросети дореволюционного периода.

Каковы же были первенцы городской электрификации по данным на 1891 г.? Из вышеуказанной переписки от 18 февраля 1891 г. узнаем следующее: техническая экспертиза показала, что электрическое освещение организовано на фабрике купца Я. В. Гречина без соблюдения временных правил канализации электрического тока, утвержденных 12 августа 1885 г. Тут же перечислялись эти нарушения: «...1) наружные провода подвешены над железными крышами не на 1 аршин, а на 0,5 аршина; 2) изоляторы для воздушных проводов употреблены телефонные, а не образца, принятого в телеграфном ведомстве; 3) спайки проводов внутри фабрики и конторы местами не запаяны и не изолированы; 4) в помещении динамо-машин магистральные провода местами тоже не изолированы и не занумерованы; 5) большей частью провода внутри здания не прикрыты; 6) помещения для динамо-машин неудобны вследствие тесноты» [там же, л. 10—10 об.]. Иваново-вознесенский полицмейстер пригрозил Я. В. Гречину уголовным преследованием по ст. 29 Судебного устава в случае неисправления отмеченных недостатков (предписание от 25 февраля 1891 г.). Я. В. Гречин распиской заверил полицмейстера, что выявленные недостатки уже исправляются (28 февраля 1891 г.) [там же, л. 12—12 об., 14].

Не лишним будет дать краткую техническую характеристику электрического оборудования и сети на фабрике купца Гречина. В ткацком корпусе фабрики стояли две динамо-машины: одна — системы «Сименс» типа «ЮЗ» с переменным током (!) и особым возбудителем постоянного тока. При машине не имелось ни вольтметра, ни амперметра. Она приводилась в действие от общего фабричного привода. Другая динамо-машина была системы «Гельбраун» с постоянным током, при ней отсутствовали вольтметр и амперметр, она также приводилась в движение общим фабричным приводом.

Магистральные и обычные провода изолировались в 3 слоя: 1-й слой составляла вощеная бумага, 2-й слой — резиновая обмотка и 3-й слой — бумага, пропитанная парафином. Все провода были вложены в деревянные ящики, покрашенные белилами. Магистральные провода, шедшие от динамо-машины «Сименс», имели поперечное сечение 9, 62 и 38,48 кв. мм, от динамо-машины «Гельбраун» — 7,07 кв. мм. Первая машина питала 16 ламп «Сименс», способ группировки — последовательный. Вторая — 30 ламп системы «Эдем» (10 свечей каждая), расположение их — параллельное. Все лампы были рассчитаны на 800 часов работы.

В прядильном корпусе были установлены две динамо-машины с постоянным током: одна — системы «Гранма» (напряжение 56 вольт), другая — системы «Бюрген» (напряжение 100 вольт). Они приводились в движение паровой машиной. Поперечное сечение магистралей обеих машин — 36,48 кв. мм. Машина «Гранма» питала 40 ламп системы «Эдиссон» (10 свечей каждая) при разнице потенциалов в 56 вольт. Машина «Бюрген» — 38 ламп этой же системы (16 свечей каждая) при разнице потенциалов в 100 вольт. Лампы были рассчитаны на 800 часов работы [там же, л. 24].

Нельзя не сказать об энергосиловом хозяйстве ткацкой фабрики Товарищества Иваново-Вознесенской ткацкой мануфактуры. Кстати, ее техническое оснащение было признано инспекцией в 1891 г. удовлетворительным. Динамо-машина манчестерского типа системы «Майер-Платт и Гопкинс»

имела мощность 48 промышленных сил. Наибольшее напряжение тока при зажимах динамо-машины составляло 103 вольт, наибольшая сила тока — 245 ампер. Машина находилась в 50 саженьях от освещаемого ею корпуса. Ток шел по двум кабелям к коммутаторному щиту, далее от щита — в корпус четырьмя магистральями. Часть магистралей проходила через фабричный корпус, они были изолированы и закрыты деревянными ящиками. Часть — дворами, магистрали подвешивались на деревянных столбах с помощью фарфоровых изоляторов.

Главные магистрали были свиты из 19 проволок толщиной 2,25 мм, площадь поперечного сечения каждой магистрали составляла 75,5 кв. мм. Ток от главных магистралей в корпусе разветвлялся по 4 этажам с помощью 14 кабелей и 2 тонких проволок. Из них 8 магистралей были свиты из 19 проволок толщиной в 1,25 мм. Общая площадь поперечного сечения каждого кабеля при этом составляла 23,32 кв. мм. Другие 6 кабелей состояли из 7 проволок толщиной 1,75 кв. мм, общая площадь поперечного сечения кабеля составляла 16,84 кв. мм. Два тонких провода были диаметром 3 мм, площадь поперечного сечения каждого из них — 7,07 кв. мм. От этих кабелей вдоль корпуса и поперек его шли параллельные линии проводов, с которыми уже непосредственно соединялись лампы с помощью тонких проволок диаметром 0,75 кв. мм, их площадь поперечного сечения составляла 0,44 кв. мм.

Изоляция проводов состояла из 4 слоев: 1-й и 2-й слои — бумажные, 3-й слой — резиновый и 4-й слой — бумажный, пропитанный асфальтом. Все провода были вложены в деревянные ящики, покрашенные суриковой краской. В сырых местах эти ящики во швах были обмазаны мастикой. В главных магистралях плотность тока на 1 кв. мм составляла 1,53 ампер, в потолочных кабелях — 1,4—1,7 ампер, в остальных проводах — 1,5—1,7 ампер. Падение напряжения в магистралях (их длина — 50 саженьей) — 3 вольта, сила тока — 118 ампер. Все лампы накаливания были системы «Эдисон», расположение их в цепях — параллельное. Сила света — 20 свечей в каждой лампе. Срок их эксплуатации — 800 часов [там же, л. 20—21].

Электрооборудование и изоляция проводов на отбельной фабрике Товарищества Куваевской мануфактуры были аналогичными. Разница заключалась в числе ламп накаливания: здесь горели 217 ламп системы «Эдиссон», из них 144 по 16 свечей и 73 — по 10 свечей [там же, л. 22—22 об.].

Итак, предпринимательская элита Иваново-Вознесенска осуществила прорыв в деле инициирования процесса электрификации города. Заглись сотни ламп накаливания, правда только на территории вышеуказанных фабрик. Но важны тут по крайней мере два обстоятельства: технический и психологический сдвиги в сознании работодателей, обывателей и деятелей общественного управления. Технический сдвиг проявился в том, что электричество (правда, в паре с паровой тягой) стало возможным технологически применять на производстве. Это давало гарантии получения немалой прибыли. Психологический сдвиг состоял в подспудной подготовке сознания общественности города к использованию электрического тока и в быту, для удовлетворения своих социальных и культурных потребностей.

Столь подробное освещение вопроса зарождения фабрично-заводской электрификации Иваново-Вознесенска тем более обосновано, что впервые именно на предприятиях (прежде всего на фабрике купца Я. В. Гречина) стали использоваться динамо-машины переменного тока. Их апробация на территории фабрик давала возможность накопить опыт в разрешении важней-

шего вопроса — о переброске электроэнергии на большие расстояния (то есть на общегородскую территорию для освещения общественных и частных владений).

Все вышесказанное наглядно подтверждается последующим ходом электрификации фабрик, заводов и мастерских Иваново-Вознесенска в середине и 2-й половине 1890-х гг. Убеждает нас в этом докладная записка начальника нижегородского почтово-телеграфного округа, побывавшего по делам службы в Иваново-Вознесенске, во Владимирское губернское правление (строительное отделение) от 30 мая 1895 г.: им «замечено, что многие из существующих там фабрик освещаются электричеством, об установках и эксплуатации которых, в большинстве случаев никто из чинов полиции не заявлял ему, начальнику округа, ни начальник местной почтово-телеграфной конторы...», а это было нарушением циркуляра министра внутренних дел от 27 апреля 1890 г. [там же, д. 391, л. 1]. Далее им давался перечень предприятий города, самовольно установивших электрическое освещение (в частности, фабрика Товарищества Прасковьи Витовой сыновей с 1894 г., мастерские технических изделий купца Жохова), и заведений, чьи владельцы спешно устанавливали электричество для производственных целей (фабрика А. Н. Новикова, Товарищества Покровской мануфактуры, завод И. Е. Пономарева) [там же, л. 1—1 об.]. В добавление к означенному списку в переписке Владимирского губернского правления и иваново-вознесенского полицмейстера (от 7 сентября 1896 г.) сообщалось о факте подачи прошения о техническом освидетельствовании электросети на вновь построенной ситцевой фабрике братьев Гандуриных Лаврентия и Николая (июнь 1895 г.) и предприятия торгового дома «З. Кокушкин и К. Маракушев» (22 августа 1896 г.) [там же, л. 2].

Массированное переоснащение передовой группы фабрик и заводов Иваново-Вознесенска в 1894—1896 гг. произвело сильное впечатление на местных деятелей общественного управления. Представители городской управы (по инициативе городского головы П. Н. Дербенева) направили запросы в те города Российской империи, где были заключены концессии на устройство электрического освещения и трамвая. О намерениях властей Иваново-Вознесенска подступиться к организационному и практическому решению этих вопросов первым узнало московское отделение фирмы «Симменс и Гальске». Данная компания поспешила уведомить городского голову о желании участвовать в конкурсе на получение указанной концессии (письмо от 18 января 1896 г.) [ф. 2, оп. 1, д. 3075, л. 1]. А уже 14 июня 1896 г. в адрес Иваново-Вознесенской городской управы фирма «Симменс и Гальске» направляет проект договора на концессию по устройству городской электростанции и сети наружного освещения. Его основные положения сводились к следующему: ст. 3 — сеть уличного электрического освещения определяется по усмотрению городской управы; ст. 4 — устанавливается монополия фирмы в деле прокладки по улицам и площадям города проводов (в основном воздушных, частично подземных кабелей); ст. 5 — фирме безвозмездно предоставляется участок земли на берегу реки для устройства центральной станции, хозяйственных помещений и конторы для персонала (до 310 кв. саженей); ст. 6 — срок концессии — 50 лет; ст. 7 — сооружения предприятия освобождаются от городских повинностей и налогов; ст. 8 — плата за уличное освещение 17,5 коп./кВт·ч (предполагалось установить 600 ламп накаливания или соответствующее количество дуговых фонарей для уличного освещения) (в письме фирмы от 19 сентября 1896 г. — 0,98 коп. за 1 час горе-

ния лампы в 16 свечей); ст. 10 — за право устройства и эксплуатации электрического освещения и электрической железной дороги концессионер в первые 2 года с начала работы ничего не платит городу, затем в первые 3 года оплаты в кассу города идет 1 % с валового прихода (но не менее 1 тыс. руб.), следующие 5 лет — по 2 % (но не менее 2 тыс. руб.), следующие 10 лет — по 3 % (не менее 3 тыс. руб.), в оставшееся время — по 5 % (не менее 5 тыс. руб.); ст. 15 — цена на освещение ламп накаливания и дуговых ламп, исключая уличное освещение, — не дороже 40 коп./кВт·ч (или 1 час горения 2 ламп по 16 свечей), для технических и других целей, кроме освещения, — не дороже 25 коп./кВт·ч. В жилых помещениях электрическое освещение обустраивается за счет абонентов (предполагалось устроить для частных абонентов 2 тыс. ламп накаливания в 16 нормальных свечей); ст. 18 — по исчислении 30 лет и через каждые 5 лет город имеет право выкупа предприятия. Размер выкупа — среднегодовая чистая прибыль 5 наиболее прибыльных лет из семилетнего периода концессии выплачивается ежегодно до исчисления 50-летнего срока договора; ст. 19 — по исчислении срока концессии город или приобретает предприятие по действительной цене ко времени выкупа, или же имеет право требовать от предприятия убрать в годичный срок все свои сооружения с городской территории; ст. 20 — для обеспечения принимаемых на себя обязательств фирма вносит в кассу городской управы залог в 5 тыс. руб.; ст. 21 — для эксплуатации предприятия фирма может образовать акционерное общество, к которому переходят все права и обязанности по подписанному договору [там же, л. 1 об., 7—10].

В письме от 19 сентября 1896 г. представитель фирмы «Симменс и Гальске» внес изменения в первоначальный проект договора: 1) площадь участка под электрическую станцию определялась уже в 60 кв. саженей; 2) плата за освещение улиц города 400 лампами в 16 свечей и 30 дуговыми лампами в 8 ампер устанавливалась по 8 тыс. руб. ежегодно; 3) в первые 5 лет после начала эксплуатации предприятие решило ничего не платить городу, в первые 5 лет платы — по 1 % (но не менее 1 тыс. руб. в год), в следующие 5 лет — по 1,5 % (не менее 1,5 тыс. руб.), в следующие 5 лет — по 2 % (не менее 2 тыс. руб.), в остальное время концессии — 3 % (не менее 3 тыс. руб.); 4) уличные лампы могли быть установлены на деревянных столбах [там же, л. 34—35]. То есть фирма ужесточала условия концессии.

Вторым претендентом на концессию стала Бельгийская электротехническая компания в лице ее московского представителя Трунина Павла Викторовича. Он лишь заявил о своих намерениях подписать проект соглашения с городскими властями. Так что к заседанию городской думы 24 октября 1896 г. стала разворачиваться конкуренция среди желающих получить концессию на устройство электрического освещения и трамвая в таком крупном промышленном центре России.

На этом заседании думы городской голова предложил гласным для рассмотрения проектов договоров «на условиях, не особенно обременительных для города» создать комиссию. Предложение было принято единогласно. Прошли выборы в комиссию по устройству в городе электрической тяги и освещения. В нее вошли А. М. Гандурин, А. И. Гарелин, О. Н. Витов, Н. Г. Бурылин, Н. Н. Зубков, Я. Н. Фокин и К. И. Маракушев. Комиссия получила право приглашать на свои заседания специалистов, техников, от которых «можно было бы ожидать полезных сведений. Затем результат своих заключений вносить в городскую думу не позднее 6-месячного срока» [там же,

л. 37]. Заметим, что в комиссию вошли известные предприниматели, чьи предприятия либо уже были переведены, либо спешно переходили на электрическое освещение. Одним словом, общественное управление доверяло знаниям, опыту и предпринимательской хватке этих людей, пыталось по максимуму задействовать их личностные качества на пользу города. Деятельность комиссии курировал городской голова П. Н. Дербенев [там же, л. 42].

История функционирования комиссии по устройству электрической тяги и освещения насчитывает 13 лет. Остановимся на краткой характеристике ее деятельности. За весь указанный период существования этой комиссии лишь первый год ее функционирования (конец 1896 г. — ноябрь 1897 г.) можно считать достаточно активным и результативным. Немалая заслуга в этом принадлежит тогдашнему городскому голове П. Н. Дербеневу и руководимой им городской управе. В фондах Государственного архива Ивановской области собраны обширные материалы о концессиях на устройство электричества и трамвая в разных городах Российской империи. Эти материалы высылали в Иваново-Вознесенск по многочисленным запросам членов городской управы и лично городского головы. Имеется и активная переписка городской управы с претендентами на получение концессии на строительство электростанции и трамвая в Иваново-Вознесенске. Есть и свидетельства частых встреч П. Н. Дербенева с представителями фирм, их специалистами для согласования условий договора на концессию. Регулярно городской голова и управа помещали объявления о конкурсе на концессию в центральных и провинциальных газетах, пытаясь тем самым проводить эту кампанию предельно демократично и гласно.

Скажем сразу, активность П. Н. Дербенева и его подчиненных привела к тому, что наиболее опытные и профессиональные фирмы и компании приняли участие в данном конкурсе, оспаривали друг у друга право на победу в нем и шли по пути уступок общественности Иваново-Вознесенска (фирма «Берлейн и К^о» (Англия), Бельгийская электротехническая компания, товарищество по эксплуатации электричества «М. М. Подобедов и К^о», торговый дом «Н. Ф. Шмидт и К^о», Всеобщая компания электричества (Германия), фирма О. Н. Дуневича (Киев), «Дюфлон, Константинович и К^о» (Франция), «Ганц и К^о» (Австрия), торговый дом «Братья Ганберт» (Москва), Товарищество С.-Петербургского вагоностроительного завода, электротехнический завод «Павел Воль и К^о» (Выборг), Общество электротехнического машиностроительного завода «Ипполит Романов», правление Первого общества подъездных железнодорожных путей в России (С.-Петербург), техническая контора «Ольшевич и Керн» (Москва) и др.).

Ярким примером успешной деятельности городской управы во главе с П. Н. Дербеневым являются серьезные уступки в пользу города со стороны немецкой фирмы «Симменс и Гальске». Правда, значительную помощь общественному самоуправлению в этом деле оказал циркуляр министра внутренних дел к губернаторам от 26 октября 1896 г. за № 44. Суть его — призыв к местным властям и органам самоуправления воздерживаться от концессий, ибо концессионеры прежде всего преследуют коммерческий интерес, а не удовлетворение потребностей населения. В нем давалось обещание поддерживать городские управления в стремлениях хозяйственным способом решить эти проблемы, облегчить условия для выпуска обеспеченных движимым и недвижимым имуществом облигационных займов для нахождения финансовых средств по устройству электрического освещения и тяги.

Заставила фирму «Симменс и Гальске» пересмотреть свои условия концессии и серьезная конкуренция со стороны других именитых компаний. Итак, в письме Иваново-Вознесенской городской управе от 13 января 1897 г. представитель фирмы Э. В. Безенбурх признал, что компания «пришла к заключению о необходимости сообразоваться в... деятельности с точки зрения Министерского Циркуляра...». Он предлагал следующие условия: 1) устроить электрическое освещение города, принимая в уплату выпускаемые городом на этот предмет облигации по эмиссионному их курсу; 2) «взять в аренду электрическое освещение города на срок, необходимый для приучения служебного персонала к правильному исполнению своих обязанностей, примерно на 5—10 лет»; 3) в зависимости от условий «взять на себя в течение первых 3—5 лет уплату процентов по займу во всем его объеме или в известной его части...»; 4) дать залог и необходимые гарантии в безостановочном и правильном действии всего освещения на все время аренды. После окончания аренды фирма продает городу данное предприятие.

Представитель фирмы «Симменс и Гальске» Э. В. Безенбурх лично приехал в Иваново-Вознесенск для переговоров с городским головой П. Н. Дербеневым [там же, л. 44—46]. После встречи Э. В. Безенбурх прислал письмо в Иваново-Вознесенскую городскую управу (26 ноября 1896 г.) следующего содержания: «Ссылаясь на соответствующие переговоры с городским головой господином П. Н. Дербеневым, честь имею довести до Вашего сведения, что мы согласны сделать Вам, относительно центральной электрической станции для освещения города, а равно и электрической железной дороги, новые предложения, совершенно отступающие от условий концессии, ввиду чего просим известить нас о Вашем согласии вести дальнейшие переговоры с нами на основании вновь предложенных условий, так как мы вполне уверены, что таковые окажутся для города более подходящими» [там же, л. 41].

Другой пример — предложение от правления Первого общества подъездных железнодорожных путей в России (С.-Петербург) от 21 июля 1897 г.: плата за уличное освещение — 15 коп./кВт·ч, частных владений — 40 коп./кВт·ч. (причем предусматривалась скидка 5—20 % в зависимости от потребленной энергии в объеме 500—3000 часов горения), за электроэнергию, идущую на иные цели, — не более 18 коп./кВт·ч. Фирма предлагала установить в городе сеть уличного освещения в количестве 500 ламп накаливания (по 25 свечей) и 60 дуговых фонарей (по 600 свечей) [там же, л. 81 об.]. Заметим, данный проект правление Первого общества планировало реализовать с уже известной нам фирмой «Симменс и Гальске».

Далее, товарищество для эксплуатации электричества «Подобедов М. М. и К^о» вначале предлагала за уличное освещение плату 25 коп./кВт·ч, освещение общественных зданий и частных абонентов соответственно 25 и 40 коп./кВт·ч, за предоставление энергии для технических целей — 22,5 коп./кВт·ч. Существенное отличие от вышеуказанных предложений — большой спектр штрафных санкций за недоотпуск электроэнергии потребителям: за негорение или неровное горение каждого фонаря — по 50 коп. за час, за незамену перегоревшей лампы в течение ночи — по 50 коп. за фонарь. В случае полного прекращения городского освещения больше чем на 10 минут — штраф 50 руб., на 1 час — 100 руб. и за каждый последующий час — по 50 руб. По тем временам это значительные денежные средства, а значит, и ощутимые скидки городу за оказание услуг.

В новом предложении товарищества для эксплуатации электричества «Подобедов М. М. и К^о» (сентябрь 1897 г.) оговаривалось, что концессия уменьшается до 35 лет, после указанного срока предприятие должно было безвозмездно перейти к городу. Кроме того, давалось обещание в случае подписания концессии безвозмездно эксплуатировать 40 дуговых фонарей (по 8 ампер) и 156 ламп накаливания (по 16 свечей) в зданиях городской управы, полицейского управления и в 2 городских больницах. Всего фирма обещала установить сеть наружного освещения в 2000 ламп накаливания (по 16 свечей) и 100 дуговых фонарей (по 8 ампер) [там же, л. 122, 124, 131].

И наконец, интересное предложение городу поступило от «Берлейн и К^о» (Манчестер, Англия) от 24 декабря 1896 г. Предприятие обязывалось установить в Иваново-Вознесенске 500 ламп накаливания (по 16 свечей) и 30 дуговых фонарей (не менее 800 свечей каждый). Цена электроэнергии для освещения и передачи сил и устройства проводов не могла превышать расценки Московской центральной станции (4000 руб. в год). После 40 лет эксплуатации все предприятие должно было перейти в полную собственность города. До этого перехода фирма обязывалась платить в кассу городского общественного управления не менее 3 % от суммы чистого дохода. А в письме от 2 апреля 1898 г. англичане уже соглашались установить в городе 600 ламп накаливания (по 32 свечи) и 40 дуговых фонарей (не менее 800 свечей каждый) за те же 4000 руб. в год и платить городу от предприятия 3 % валового дохода за год [там же, л. 43—43 об., 146].

Именно на первом этапе деятельности комиссии, возглавляемой городским головой П. Н. Дербеневым (выпускником Императорской практической академии и Промышленной академии в г. Хемниц, Германия), были выработаны условия для подписания концессии с участниками конкурса. Сохранившаяся в фондах Государственного архива Ивановской области переписка городской управы и лично П. Н. Дербенева с лицами и фирмами, принявшими участие в конкурсе, дает нам возможность выделить главные из этих условий: 1) предоставление городским общественным управлением единой концессии на устройство электрического освещения и трамвая; 2) установление вместо 850 керосиновых ламп (по 10 свечей) до 600 ламп накаливания (не менее 32 свечей каждая) и до 40 дуговых фонарей (по 800—1000 свечей); 3) охват уличной сетью всего центра города; 4) освещение общественных зданий (городская управа, полицейское управление, 2 больницы) лампами накаливания сверх тех 600, что назначены для улиц и площадей; 5) оборудование и освещение частных домов за счет их владельцев по соглашению с концессионером по максимальным ценам, установленным условиями договора; 6) заключение концессии сроком до 40 лет [там же, л. 75 об.].

Среди потенциальных концессионеров нашлись фирмы, осмелившиеся, правда в мягкой форме, возражать против «чрезмерности» планов городского общественного управления. Так, представители Бельгийской компании (инженеры П. П. Ратманов и П. В. Трунин) в письмах городской управе (лето 1897 г.) весьма резонно отмечали, что местные власти вместо 8500 свечей (850 керосиновых ламп по 10 свечей) сразу хотят установить 600 ламп накаливания (по 32 свечи) и 40 дуговых фонарей (по 800 свечей), итого 51 200 свечей (то есть в 6 раз больше). По их мнению, такая чрезмерность приведет к резкому перерасходу денег из кассы города: с 4000 до 22 000 руб. за год. Инженеры убеждали власти, что 400 ламп накаливания (по 32 свечи) и 40 дуговых фонарей (по 800 свечей) были бы самым оптимальным вариантом для

решения вопроса электрификации города на данном этапе. В этом случае затраты на освещение составили бы до 15 000 руб. в год.

Они считали, что для Иваново-Вознесенска весьма обременительно будет одновременно оплачивать услуги электрического освещения и трамвая концессионерам, выдвинули идею двух концессий [там же, л. 91—91 об.]. Из переписки купца О. Н. Дуневича с П. Н. Дербеневым: «...относительно проведения электрического освещения по всем улицам — могу только сказать, что это далеко невыгодно для горожан. Что же касается постановки на главной улице 40 дуговых фонарей, то это слишком большое количество. Для примера возьмем Петербург, где на Невском всего 32 фонаря, и Киев, где на Крещатики 16 таких фонарей...» [там же, л. 104 об.].

Благодаря широкой гласности предполагаемого мероприятия в адрес городского управления и лично П. Н. Дербенева шли информационные материалы, реклама о новых разработках в электротехнике и электрической арматуре. Одновременно с этими материалами на местные власти хлынул поток рекламной печатной продукции от фирм и контор, предлагавших новейшие конструкции керосиновых и керосинокалильных фонарей. Так гласные городской думы и управы, члены комиссии по устройству электрического освещения проходили своеобразные «электротехнические университеты». Вскоре им стало ясно, что срок в 6 месяцев, отведенный городской думой для вынесения заключения по данному вопросу, недостаточен. Было объявлено всем респондентам, что конкурс продлевается: предельный срок подачи заявок — до 1 августа 1897 г., проектов — до 1 сентября 1897 г. [там же, л. 52—53]. Однако и эти сроки не были выдержаны: переписка городского общественного управления по приему предложений и корректировке условий предварительных проектов шла и в сентябре — октябре 1897 г. (с товариществом для эксплуатации электричества «Подобедов М. М. и К^о»), в декабре 1898 г. (с правлением Русского электрического общества «УНИОН»), ноябре 1899 г. (с московским купцом Я. И. Машкауцаном) и т. д. [там же, л. 125, 153—154].

В чем причина невыдерживания сроков проведения конкурса, по сути ставшего с конца 1897 г. перманентным с динамикой угасающей составляющей? Только ли в отходе городского головы П. Н. Дербенева от кураторства комиссии? На деле все сложнее: 1) ознакомление со сметами предлагаемых проектов показало, что город в случае осуществления задуманных мероприятий обречен на весьма обременительные расходы, несопоставимые с затратами на керосиновое освещение улиц и площадей. В то же время, вследствие усовершенствования технологии переработки нефти, в эти годы наметилась тенденция снижения цен на керосин, шедший на освещение города; 2) надежды на выпуск облигационного займа рассеялись: по крайней мере, в документах ни городского общественного управления, ни комиссии по устройству электрического освещения этот вопрос не обсуждался. Видно, гласные не хотели рисковать и перекраивать статьи бюджета в ущерб социальным и хозяйственным нуждам города; 3) рушились и надежды гласных, не связанных с бизнесом, на благотворительную помощь в этом деле со стороны предпринимательской элиты города; 4) сами предприниматели были обременены спешной и весьма дорогостоящей по затратам технической реконструкцией своих предприятий (в смысле перевода их на электрическое освещение и тягу). Так что для них интересы города как бы отступали на второй план; 5) ощущался дефицит свободных денежных средств (это и погубило на корню идею выпуска облигационного займа в счет имущества города и паевого

участия местной буржуазии) в связи с тем, что увеличились расходы фабрикантов на социальные нужды по рабочему законодательству второй половины 1890-х гг. Добавим, что средства предпринимателей отвлекались и на другие объекты городского благоустройства (дороги, тротуары, медицина, образование, библиотеки, пожарное дело и т. д.). Усиливал негативное влияние на финансовое самочувствие работодателей и начавшийся мировой кризис 1898—1900 гг.

Можно назвать и такое препятствие, затруднившее в тот период разрешение вопроса электрического освещения города, как нежелание влиятельной группы фабрикантов и заводчиков допустить иностранных инвесторов в Иваново-Вознесенский промышленный район. Ведь это грозило усилением конкуренции на текстильном рынке, манипулированием со стороны иностранцев процессом формирования себестоимости за счет ее топливной составляющей. Несовместимость интересов отечественных предпринимателей и иностранных инвесторов усиливалась ментальностью и моделью поведения старообрядцев из среды крупной буржуазии региона.

На наш взгляд, именно этим объясняется наступивший застой (конец 1897 г.) и последовавшее за ним угасание деятельности вышеуказанной комиссии (1898—1903 гг.). Именно с конца 1897 г. члены комиссии стали прибегать к тактике «тихого саботажа»: открыто не отказываясь от общественного поручения, они, по сути, отстранились от него. Деятельность комиссии порой принимала комический характер. Так, 28 ноября 1897 г. в здании городской управы состоялось заседание комиссии. Но из 7 ее членов четверо отсутствовали (А. И. Гарелин, А. М. Гандурин, Ф. Н. Витов и Я. Н. Фокин). Избрать председателя комиссии не удалось [там же, л. 139]. 26 февраля 1898 г. все повторилось: присутствовали А. И. Гарелин, Н. Г. Бурьлин и Н. Н. Зубков; отсутствовали — К. И. Маракушев, А. М. Гандурин, Ф. Н. Витов и Я. Н. Фокин. Таким образом, на рубеже 1897—1898 гг. от работы отошли 3 члена комиссии (А. М. Гандурин, Ф. Н. Витов и Я. Н. Фокин) [там же, л. 143]. К осени 1898 г. стал игнорировать комиссию К. И. Маракушев. Так что к январю 1899 г. из 7 членов комиссии остались действующими лишь 2 (А. И. Гарелин и А. М. Гандурин).

Еще одна немаловажная деталь: в 1898 г. члены комиссии, участвовавшие в заседаниях, как правило, единогласно избирали своими председателями отсутствующих коллег (как бы в наказание): Н. Г. Бурьлина, Н. Н. Зубкова. Но те быстро восстанавливали «справедливость»: направляли в адрес городского головы П. Н. Дербенева заявления об отказе исполнять порученную им работу [там же, л. 151, 153]. Казалось бы, ситуация стабилизировалась на заседании 11 февраля 1899 г.: из 7 членов отсутствовал лишь К. И. Маракушев. Был избран среди присутствовавших и председатель. Им стал А. М. Гандурин [там же, л. 156]. Опять пошли в комиссию предложения на участие в конкурсе, присылались проекты, приезжали представители фирм, но деятельность шла вяло: никакой реакции и заинтересованности члены комиссии не проявляли. Они всячески затягивали момент принятия окончательного решения на сдачу концессии участникам конкурса. Полностью комиссия приостановила свою деятельность после отставки А. М. Гандурина 28 октября 1900 г. В заявлении он объяснял это решение нежеланием заниматься данным поручением, а перегруженностью в связи с принятием на себя обязанностей председателя попечительского совета женской гимназии [там же, л. 158—158 об.].

Последняя попытка городского головы П. Н. Дербенева реанимировать комиссию по устройству электрического освещения и тяги приходится на ноябрь 1903 г. На заседании городской думы 29 ноября 1903 г. прошли выборы нового состава комиссии. Ее членами в большинстве были те же лица (6 из 7): А. И. Гарелин, Н. Г. Бурьлин, Н. Н. Зубков, Я. Н. Фокин, К. И. Маракушев и Л. М. Гандурин. Новым членом был Г. М. Ямановский (вместо Ф. Н. Витова). Председателем комиссии был избран Л. М. Гандурин. Предпринятая городской думой попытка оживить «умершую» комиссию заранее была обречена на неудачу. Из 7 членов трое отсутствовали, в том числе и избранный председатель, остальные отбывали повинность и негласно саботировали [там же, л. 161]. Никаких признаков оживления деятельности комиссии в источниках обнаружить не удалось, более того, из журнала городской думы за 12 февраля 1904 г. узнаем, что Л. М. Гандурин отказался выполнять поручение без всякой мотивировки. Думе пришлось принять решение о предоставлении комиссии права (?) самой выбрать председателя из своей среды. Так что и дума расписалась в собственном бессилии что-либо изменить.

Конечно, можно объяснить неудачу с комиссией внешними обстоятельствами, причем весьма значимыми, — начавшаяся русско-японская война (последняя всколыхнула патриотические настроения в обществе, а со стороны предпринимателей, не важно по наущению сверху или в силу игры чувств, вызвала вал благотворительности) и вспыхнувшая первая русская революция. Так, стачка иваново-вознесенских текстильщиков в мае — июле 1905 г. тяжело сказалась на финансово-экономическом положении и психологическом настрое местной буржуазии. В данном случае показательно прошение Н. Г. Бурьлина, направленное в иваново-вознесенское полицейское управление от 12 марта 1908 г. В нем сообщалось, что на его ткацкой, отбельной и прядильной фабриках 73 дня шла забастовка (12 мая — 22 июля 1905 г.). Производство было остановлено и более 1000 рабочих рассчитаны. После забастовки работы проходили «не вполне нормально» (перемежались частичными забастовками в течение 1905—1906 гг.), рабочий день сократился на 1 час (ранее — 11,5 часов в сутки, теперь — 10,5 часов). Им отмечалось, что это сокращение произошло на всех фабриках Иваново-Вознесенска [ф. 4, оп. 1, д. 1040, л. 290].

Но главная причина, на наш взгляд, кроется в другом: в эту первую «семилетку» XX в. (время неблагоприятное для бизнеса) предпринимательская элита более дорожила своими интересами, нежели общественными. Трудности экономические, сбытовые в силу роста себестоимости продукции она пыталась решать снижением ее топливной составляющей. Это был толчок для нового витка фабрично-заводской электрификации Иваново-Вознесенска. Только лишь в 1899 г. на электрическое освещение перешли 2 фабрики — предприятия Г. Фокина и Якиманских.

На фабрике Г. Фокина электроэнергия поступала во все помещения. Ток подавался 2 динамо-машинами системы «Генриет» (4-полюсные, шунтовые, 380 ампер и 180 вольт напряжения). Они приводились в движение паровой машиной системы «Фoley и К^o» (Англия). На территории фабрики горела 451 лампа накаливания по 10, 16 и 25 свечей, 12 дуговых фонарей по 12 ампер, 6 фонарей по 10 ампер, 8 фонарей по 8 ампер и 15 фонарей по 5 ампер. От динамо-машин магистральные провода шли к мраморной распределительной доске. На ней располагались 2 амперметра, 2 вольтметра, указатель заземления, громоотвод, 2 автоматических выключателя, свинцовые предо-

хранители и рубильник. Провода изолировались в 4 слоя: 1-й слой — чисто резиновый, 2-й слой был покрыт особой резиной, 3-й слой составляла обмотка, 4-й слой — оплетка. Внутри помещений провода крепились открыто на фарфоровых роликах, сквозь стены шла изоляция фарфоровыми втулками и резиновыми трубками. Все лампы накаливания снабжались свинцовыми предохранителями. Плотность тока не превышала 2 ампер на 1 кв. мм сечения провода.

На фабрике Якиманских электрическое освещение шло от динамо-машины системы «Ярликон». Ее мощность составляла 30 кВт·ч, напряжение — 125 вольт. Машина приводилась в движение общей фабричной трансмиссией. Провода от распределительной доски шли в помещения и крепились аналогичным способом, как и на фабрике Г. Фокина. Для освещения корпуса и двора фабрики использовались 327 ламп накаливания (по 16 свечей) и 4 дуговых фонаря (по 10 ампер) [там же, л. 33—33 об., 34—35].

Наступившая с 1907 г. политическая и экономическая стабилизация в стране и регионе, переизбрание состава Иваново-Вознесенской городской думы (ряды гласных-предпринимателей несколько поредели за счет притока лиц интеллигентских профессий), вступление в должность городского головы Н. Г. Бегена — все эти обстоятельства вновь поставили на повестку дня вопрос об электрификации города. В докладе комиссии, избранной для рассмотрения сметы доходов и расходов на 1907 г., отмечено: «Самый большой и самый важный вопрос по благоустройству города — это освещение города. С каждым годом расход на этот предмет все увеличивается и увеличивается...» Приводилась статистика намечаемых расходов на 1907 г. — 11 437 руб. плюс 1000 руб. на устройство новых керосиновых фонарей (для сравнения: затраты на эти цели в 1905 г. составляли 10 550 руб.). Комиссия предложила инициировать среди электротехнических компаний конкурс на получение концессии по электрификации Иваново-Вознесенска.

Движение гласных и частных лиц в данном направлении было оперативно замечено уже известной нам фирмой «Симменс и Гальске». Руководство ее московского отделения направило письмо в адрес общественного управления города с просьбой допуска предприятия к конкурсу (от 29 марта 1907 г.) [ф. 2, оп. 1, д. 3075, л. 148]. Пошел поток заявлений и прошений и от других электротехнических компаний. В связи с этим Н. Г. Беген на заседании городской думы 8 июня 1907 г. ставит вопрос о необходимости новых выборов в комиссии по устройству водопровода и электрического освещения и тяги [там же, д. 584, л. 63—63 об.]. Гласные согласились и провели выборы в указанные комиссии.

В комиссию по устройству электрического освещения и тяги вошли: П. Н. Дербенев, С. П. Полушин, К. И. Дементьев, М. С. Удин, М. В. Шумарин. Четверо из них (С. П. Полушин отсутствовал) собрались по приглашению городского головы для выбора председателя. На первом своем заседании они обратились к Н. Г. Бегену с просьбой увеличить состав комиссии и лично возглавить ее. Н. Г. Беген, докладывая городской думе 4 октября 1907 г., заявил, что в связи с перегруженностью работой не может взять на себя обязанности председателя означенной комиссии. Дума решила пополнить состав комиссии. В нее вошли: М. А. Полушин, А. И. Гарелин, Н. Г. Бурьлин, Н. Н. Зубков, Н. И. Куражев и С. И. Соколов. Дума поручила членам комиссии выбрать председателя из своей среды. На расходы комис-

сии (подача объявлений в газеты, экспертиза проектов и т. д.) выделялся кредит в 5000 руб. [там же, д. 4332, л. 1].

Зададимся вопросом: в чем причина неожиданно вспыхнувшего интереса представителей крупного капитала к деятельности данной комиссии? Вероятно, в изменении отношения к проблеме электрификации. Психологический сдвиг стимулировался финансовым интересом. Интуиция текстильных магнатов не подводила: данная сфера могла давать прибыль, причем перманентную и возрастающую. Очевидно выгодность фабрично-заводской электрификации заставила местную буржуазию задуматься об организации электрического освещения Иваново-Вознесенска. Но у дельцов не было опыта использования электрооборудования вне привязки с общей фабричной трансмиссией, приводимой в движение паровой машиной. Это обстоятельство действовало охлаждающе на настрой потенциальных местных инвесторов. А ведь их влияние открыто олицетворялось новым пополнением состава комиссии 4 октября 1907 г.

Своеобразным полигоном «обкатки» этого опыта стала так называемая кинематографическая электрификация Иваново-Вознесенска. Она пришлась на лето 1908 и 1909 г. На этот предмет имеется ценная информация в докладе инженера строительного отделения Владимирского губернского правления от 2 мая 1909 г. В нем сообщалось, что на 25 апреля 1909 г. в Иваново-Вознесенске насчитывалось 3 действующих кинематографа — кинотеатр благотворительного общества, «Буфф» (владельцы — Козлов и Кузнецов), «Мир» (Радзишевский). Забегая вперед, отметим: 18 сентября 1909 г. строительное отделение Владимирского губернского правления выдает разрешение австрийскому подданному К. Ф. Тихлеру на открытие кинематографа на Ярмарочной площади [ф. 4, оп. 1, д. 1065, л. 14—14 об.]. Кинотеатр «Заря» (владелец — Ляпичев) временно приостановил работу для устранения недостатков в соответствии с циркуляром владимирского губернатора от 23 февраля 1909 г. за № 271. Кинотеатр «Образцовый» (владелец — Кузнецов) был уничтожен пожаром. Все указанные кинематографы начали функционировать с 1908 г., первым из них был открыт «Буфф» (28 августа). Интересная деталь — иваново-вознесенский полицмейстер давал согласие на открытие кинематографических заведений без предварительного их осмотра, что было грубым нарушением распоряжения министра внутренних дел. Разрешения полицейским управлением выдавались в день подачи прошений владельцами этих заведений. Все кинотеатры являлись пожароопасными. Но все они были оборудованы демонстрационной электротехникой и освещались лампами накаливания [там же, л. 28 об.].

И последнее, компаньонами иваново-вознесенских кинотеатров выступали представители кланов предпринимательской элиты города. В частности, крупнейший кинематограф благотворительного общества курировала М. Гарелина, а казначеем был А. Гарелин [там же, д. 584, л. 4—6]. Так исподволь присматривался деловой мир к решению главной задачи — вложения денег в городское освещение для получения стабильных и растущих доходов.

Движение предпринимателей к намеченной цели шло также по пути выбора приемлемых условий для выработки технического проекта электрического освещения города. Немаловажно, что они не допускали гласности в проводимом конкурсе и концентрировали усилия на постепенной локализации проекта в рамках города. Об этом позволяют говорить факты. 8 января

1909 г. в городскую управу поступило заявление от правления Товарищества механических изделий о готовности взять на себя решение проблемы электрификации города. Это заявление подписали директора правления С. Н. Полушин, П. Н. Дербенев и К. И. Маракушев, то есть члены комиссии по устройству электрического освещения и тяги [ф. 2, оп. 2, д. 584, л. 76]. В докладе городской управы думе (начало 1913 г.) было заявлено, что «из дел городской управы не видно, чтобы производились вызовы предприятий на электрическое освещение, как рекомендовала бюджетная комиссия...», итогом чего стало лишь одно предложение Товарищества механических изделий [там же, л. 76].

Гласные — представители крупного бизнеса города, используя свое положение, отстранили потенциальных конкурентов от данной сферы вложения капитала. Как видим, осуществлялось это нечестными способами и во вред общественности города. Ровно через год (8 января 1910 г.) городская дума отдала концессию на электрификацию Иваново-Вознесенска Товариществу механических изделий.

Возникает вопрос, почему понадобился целый год для раздумий, ведь предложение было единственным и исходило от известных и уважаемых в городе людей? Предприниматели не настаивали на экстренном разрешении данного вопроса потому, что боялись быть обвиненными в корыстных побуждениях со стороны большинства гласных общественного управления. Им нужно было время для лоббирования своего заявления в городской управе и думе. В этом они преуспели, ибо впоследствии оказалось, что многие народные избранники являлись акционерами Товарищества механических изделий и получали немалые дивиденды на вложенный капитал. С другой стороны, гласные не торопились с положительным ответом на просьбу правления этого товарищества, так как выжидали спада интереса общественности к данной проблеме, что было естественно в условиях зажима гласности и, по сути, сведения на нет конкурса. Гласные учитывали и то обстоятельство, что еще не закончился срок их полномочий, и тоже не хотели обвинений в свой адрес об использовании ими служебного положения в корыстных целях. Одним словом, и те и другие заинтересованные лица терпеливо ждали окончания работы тогдашнего состава городской думы. Время нужно было и для налаживания связей с экспертами и поставщиками, техническими исполнителями задуманного Товариществом механических изделий мероприятия.

Таким образом, к концу 1909 г. завершается подготовительный этап в деле электрификации Иваново-Вознесенска. Он сопровождался мучительным процессом переоценки предпринимательской элитой города значимости задуманного мероприятия (своеобразная «электротехническая революция» в их сознании), «убаюкивания» общественности, лоббирования большинства гласных общественного управления. В ходе его были налажены экспертно-технические и технологические связи с потенциальными подрядчиками на планируемый объем работ для реализации поставленной задачи.

Прослеживается своеобразная эволюция в подходах двух сторон к делу электрификации Иваново-Вознесенска за период с 1890 по 1909 г. Начавшись как инициатива общественного самоуправления во главе с П. Н. Дербеневым, кстати сказать имевшая поверхностные, умозрительные контуры, поэтому первоначально отвергавшаяся предпринимательской элитой города, идея электрификации постепенно стала внедряться и в сознание представителей местной буржуазии, правда в основном в «фабрично-заводской» и частично

«кинематографической» интерпретации. Шел этот процесс на прагматической основе. Деятели общественного управления в конце концов приняли данную методологию решения проблемы, между прочим сулившую сторонам обоюдную выгоду. Предприниматели не пускали «чужаков» на это поле бизнеса и получали новые рычаги воздействия на город. Гласные сохраняли имидж радетелей города, сумевших подойти к реализации данной задачи, не прибегая к облигационным займам под залог городского движимого и недвижимого имущества. Тем самым они отвели для жителей угрозу повышения местных налогов. Впрочем, народные избранники не были так уж бескорыстны: они выгодно вложили свои деньги в дело устройства электрической сети города.

Наметившиеся подходы к общегородской электрификации в тактическом плане, казалось бы, устраивали всех, но процессы реализации и перспективы развития данной сферы коммунального хозяйства вскоре показали, что в целом население Иваново-Вознесенска заплатило дорогую цену. Она была несопоставимо выше по сравнению с условиями других концессионеров. Эти подходы настраивали на вялотекущую с застойными паузами динамику развития рассматриваемой сферы жизнедеятельности нашего города.

АННОТАЦИИ

В. А. Евсеев, А. А. Назарова

ВОСТОЧНАЯ (БАЛТИЙСКАЯ) КОМПАНИЯ В XVII ВЕКЕ

Статья посвящена развитию Восточной компании в XVII веке. Рассматриваются экономические и политические факторы, ставшие причинами ее упадка.

Ключевые слова: Восточная компания, торговля в странах Прибалтики, упадок.

В. Ю. Садовская

РОЛЬ М. С. ГОРБАЧЕВА В ПОДГОТОВКЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ

Статья посвящена крупнейшему событию мировой истории конца XX века — объединению двух немецких государств. Определяется роль в подготовке объединения Генерального секретаря ЦК КПСС и первого президента СССР М. С. Горбачева. Показана связь между обострением внутренних проблем в СССР, ухудшением его отношений с ГДР и принятием советским руководством решения по германской проблеме.

Ключевые слова: «германский вопрос», европейская интеграция, «10 пунктов Г. Коля», национальная идея, территориальная целостность, международные переговоры по формуле «2 + 4», суверенное равенство, военный аспект объединения, 3 октября 1990 г. — день объединения, «налог солидарности».

Е. В. Язева

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ СОВРЕМЕННОГО КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ, ПОИСКИ, РЕШЕНИЯ

Статья посвящена анализу основных вех в поисках национальной идеи в современном Казахстане. В ней рассмотрены главные идеологические конструкты и составляющие национальной идеи, такие как евразийская идея, казахстанская нация, националистический комплекс, и их отражение и интерпретация в официальных политических и научных кругах. Автор также уделяет внимание новым тенденциям в определении национальной идеи в условиях глобализации и мирового экономического кризиса и альтернативным предложениям со стороны оппозиции.

Ключевые слова: национальная идея, идеология, казахстанская нация, евразийская идея, конкурентоспособность нации.

Е. Л. Костылёва, А. В. Уткин

РАДИОУГЛЕРОДНАЯ ХРОНОЛОГИЯ НЕО-ЭНЕОЛИТИЧЕСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ НА СТОЯНКЕ САХТЫШ ПА

Рассматривается радиоуглеродная хронология неолитических и энеолитических захоронений со стоянки Сахтыш ПА (Ивановская область).

Льяловский могильник содержал 15 захоронений, четыре из которых были датированы в интервале от 6130 ± 120 до 5820 ± 200 лет от наших дней. Число энеолитических погребений — 57. Ранние захоронения были совершены в интервале от 4800 ± 200 до 4540 ± 150 лет от наших дней (5 дат); поздние захоронения — в диапазоне 4200 ± 240 и 4080 ± 180 лет от наших дней (2 даты).

Ключевые слова: радиоуглеродная хронология, неолит, энеолит, воловская культура, льяловская культура, погребения, поселение Сахтыш ПА.

А. В. Степанов

УЕЗДНЫЕ ГОРОДА ВЕРХНЕГО ПОВОЛЖЬЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ

Изучены статистические сведения о 32 уездных столицах Верхневолжского региона Российской империи на рубеже XIX—XX вв. Рассмотрен рост их населения, а также его сословный состав и виды занятий. Городская жилая застройка и социальные учреждения представлены как часть складывающегося урбанистического образа жизни. Для показа способности городов поддерживать своё существование обобщены сведения о муниципальных бюджетах.

Ключевые слова: уездный город, Россия на рубеже XIX—XX веков, сословный состав населения, городской образ жизни, бюджеты малых городов.

Ю. А. Ильин

ОБЩЕСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВВ.: К ВОПРОСУ ОБ ЭЛЕКТРИФИКАЦИИ г. ИВАНОВО-ВОЗНЕСЕНСКА

Рассматриваются подготовительные этапы электрификации г. Иваново-Вознесенска с 1890 по 1909 г. Акцент делается на истории деятельности комиссии по устройству электрического освещения и тяги городской думы, а также взаимоотношениях общественных деятелей и представителей крупного капитала в процессе решения данного вопроса.

Ключевые слова: электрификация, комиссия по устройству электрического освещения и тяги, общественное управление, крупный капитал.

SUMMARIES

V. A. Evseev, A. A. Nazarova

THE EASTLAND COMPANY IN THE XVII CENTURY

The article is devoted to the development of Eastland company in the XVII century. The crisis of commerce in the Baltic countries in the middle of the XVII century was sudden change in the history of this company. The political events and the economic competitors in the Baltic countries were the main reasons the Eastland company's decline.

Key words: Eastland company, commerce in Baltic countries, decline.

V. Yu. Sadovskaya

GORBACHEV'S ROLE IN THE UNIFICATION OF GERMANY

This article is devoted to the greatest event of the world history in the XX century — unification of two German states and determination of General Secretary of the CPSU and Gorbachev's roles in it's preparation. The author writes that changes for the worse in relations with the German Democratic Republic were connected with USSR domestic problems, the soviet government had understood that German question was necessary to solve.

Key words: "German question", European integration, "10 aspects of Koul", "national idea" international negotiations by "2 + 4" formula, military aspect of the unification, "solidarity dept", independent equality, territorial integrity.

E. V. Yazeva

NATIONAL IDEA OF MODERN KAZAKHSTAN: PROBLEMS, SEARCHES, DECISIONS

Major milestones in pursuit of a national identity in modern-day Kazakhstan are examined in the article. The most significant ideological elements and components of the national idea along with their reflection in official political and academic realm are considered, the notion of Euro-Asia, the nation of Kazakhstan and the national complex among them. Attention is also given to the new trends in the national identity definition under the conditions of globalization and world economical crisis, as well as alternative proposals on the part of the opposition. Factors, conditions, challenges and complications in the quest for an ideological basis of the Kazakh Republic at the stage of independent development are delineated in the article.

Key words: national idea, ideology, nation of Kazakhstan, nation of Euro-Asia, competitiveness of the nation.

E. L. Kostyleva, A. V. Utkin

THE C-14 CHRONOLOGY OF NEOLITHIC AND AENEOLITHIC BURIALS ON THE SAKHTYSH IIA SITE

The paper is devoted to the C-14 chronology of Neolithic and Aeneolithic burials from Sakhtysh IIA site (Ivanovo region).

Lyalovo burial ground consisted of fifteen interments. Four skeletons from there were dated (№ 12, 16, 29, and 42) from 6130 ± 120 to 5820 ± 200 B.P. The number of Aeneolithic burials counts fifty seven. Early interments had been made in the interval from 4800 ± 200 to 4540 ± 150 B.P. (five dates), late interments had been made in the range of 4200 ± 240 and 4080 ± 180 B.P. (two dates).

Key words: the C-14 chronology, neolithic, aeneolithic, Volosovo culture, Lyalovo culture, burials, Sakhtysh IIA site.

A. V. Stepanov

UEZD CAPITAL TOWNS IN THE UPPER VOLGA AREA AT THE TURN OF THE 20th CENTURY

Statistical evidence concerning 32 *uezd* capital towns in the Upper Volga area of Imperial Russia at the turn of the 20th century is examined. Growth of urban population, as well as its social composition and occupational patterns are discussed. The towns' dwelling and welfare facilities are presented as part of the emerging urban way of life. Municipal budgets are summarised to indicate the level of the towns' ability to keep their sustention.

Key words: *uezd* towns, Russia at the turn of the 20th century, social composition of population, urban way of life, budgets of small town.

Yu. A. Ilyin

PUBLIC ADMINISTRATION AND ENTREPRENEURS AT THE TURN OF THE XIX—XX CENTURIES: TO THE QUESTION OF ELECTRIFICATION OF IVANOVO-VOZNESENSK

The subject of the article is a history of public work of the electric commission of the local authorities, relations between public benefactors and big business in this problem.

Key words: electrification, electric commission, public administration, big business.

Сведения об авторах

ЕВСЕЕВ доктор исторических наук, профессор
Владимир Александрович кафедры древнего мира и средних веков,
Ивановский государственный университет.
E-mail: yevseyev@mail.ru

ИЛЬИН доктор исторических наук, профессор
Юрий Александрович кафедры новейшей отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
E-mail: kristal55@mail.ru

КОСТЫЛЁВА кандидат исторических наук, доцент кафедры
Елена Леонидовна дореволюционной отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
E-mail: elkos-ty-le-va@mail.ru

НАЗАРОВА ведущий специалист, референт заместителя
Анна Алексеевна главы Администрации города Иванова.
E-mail: kalibr_nazarov@mail.ru

САДОВСКАЯ кандидат исторических наук, доцент кафедры
Валерия Юрьевна новой, новейшей истории и международных
отношений, Ивановский государственный
университет. (4932) 32-61-88

СТЕПАНОВ кандидат исторических наук, доцент кафедры
Аркадий Владимирович дореволюционной отечественной истории,
Ивановский государственный университет.
E-mail: pastenovas@mail.ru

УТКИН сотрудник археологического музея,
Александр Витальевич Ивановский государственный университет.
(4932) 32-61-88

ЯЗЕВА кандидат исторических наук, доцент кафедры
Елена Викторовна новой, новейшей истории и международных
отношений, Ивановский государственный
университет. E-mail: evaaa@mail.ru

**ВЕСТНИК
ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**
Серия «Гуманитарные науки»
Выпуск 4
История

Подписано в печать 16.12.2009 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 6,3. Уч.-изд. л. 6,1. Тираж 300 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39 ☎ (4932) 93-43-41
E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru